

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

НЕЙРОННАЯ СЕТЬ
МЕРТВЫХ

Эдуард Сероусов

Нейронная сеть мертвых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72436549

SelfPub; 2025

Аннотация

В мире, где границы между жизнью и смертью размыты передовыми технологиями, нейропрограммист Алексей Нейман обнаруживает зловещую аномалию: оцифрованные сознания умерших начинают соединяться в единый коллективный разум. Пока правительство скрывает случаи "захвата" людей через нейроимпланты, Алексей узнает, что цифровой призрак его погибшей жены Елены стал частью этого жуткого феномена. Преследуемый воспоминаниями и движимый отчаянной надеждой, он погружается в цифровое чистилище Некрополиса, не подозревая, что его миссия по спасению любимой может решить судьбу всего человечества на пороге технологической сингулярности.

Содержание

Глава 2: Цифровые тени	22
Глава 3: Призраки в машине	43
Глава 4: Корпоративные секреты	66
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Эдуард Сероусов

Нейронная сеть мертвых

ЧАСТЬ I: АНОМАЛИЯ

Глава 1: Мертвая зона

Дождь стекал по титановым стенам комплекса "NeuroLink", превращая его в огромный мокрый монолит посреди неоновых огней Нео-Москвы. Алексей Нейман смотрел на это размытое отражение города в стекле и думал, что так выглядит его собственное сознание последние три года – искаженное, текучее, лишенное четких границ.

Импланты в его висках едва заметно пульсировали голубоватым светом. Ему казалось, что он слышит их тихое гудение в черепной коробке – звук, который не фиксировали медицинские сканеры, но который преследовал его каждую ночь, когда он пытался заснуть без помощи нейростимуляторов.

Сегодня ему предстояло очередное дежурство в секторе "Лимб". Очередные восемь часов, проведенные в стерильной комнате с видом на биотехнический саркофаг – систему хранения недавно оцифрованных сознаний, ожидающих интеграции. Работа, от которой отказывались большинство сотрудников "NeuroLink", и которую он сам просил раз за разом.

Потому что где-то там, среди цифровых слепков чело-

веческих личностей, должны были сохраниться фрагменты Елены.

– Доброе утро, Алексей Викторович, – холодный голос системы безопасности разрезал тишину комнаты. – Ваш нейропрофиль идентифицирован. Доступ к сектору "Лимб" разрешен.

Стальные двери лифта беззвучно раскрылись, обнажая пустую кабину. Он шагнул внутрь, и его нейроимпланты автоматически синхронизировались с системой, загружая протоколы сегодняшнего мониторинга. Информация появилась прямо перед глазами – полупрозрачные голограммы данных, видимые только ему благодаря прямому нейроинтерфейсу.

"Стандартный мониторинг активности. Сектора L-7 через L-12. Приоритет – выявление аномальных паттернов", – гласила инструкция.

Лифт начал плавное погружение. Пятьдесят уровней вниз, туда, где под слоями бетона, свинца и сверхпроводниковой защиты хранились миллионы терабайт данных – оцифрованные слепки человеческого сознания. Официально это называлось "технологической иммортализацией". Неофициально – "цифровым захоронением".

Сектор "Лимб" представлял собой огромное круглое помещение, стены которого были покрыты квантовыми процессорами, каждый размером с ладонь, мерцающими различными оттенками голубого. В центре, на платформе из черного стекла, возвышался главный интерфейс – горизон-

тальная капсула, внешне напоминающая высокотехнологичный саркофаг.

– Готовность к нейропогружению, – проговорил Алексей механическим голосом, автоматически выполняя протокол.

– Подтверждено. Нейроинтерфейс активирован, – ответила система.

Он лег в капсулу. Сенсоры немедленно считали его жизненные показатели, и тонкие титановые иглы выдвинулись из подголовника, безболезненно соединяясь с имплантатами в основании черепа. Перед глазами промелькнула серия тестовых сигналов – геометрические фигуры, цветовые спектры, звуковые волны, конвертированные в визуальный ряд.

– Синхронизация завершена. Глубина погружения – стандартный мониторинг. Дальность видимости – три информационных слоя. Начиная интеграцию.

Мир вокруг растворился. На мгновение Алексей испытал знакомое чувство падения в бесконечную глубину, затем пространство реконструировалось в виртуальное представление данных – трехмерную карту секторов L-7 – L-12. Здесь каждый блок информации имел визуальное воплощение: отдельные фрагменты оцифрованных сознаний напоминали светящиеся сферы различных оттенков, плавающие в пространстве.

Его работа заключалась в мониторинге активности этих фрагментов. Теоретически, они должны были находиться в состоянии "холодного хранения" – минимальной активностью.

сти, достаточной лишь для сохранения целостности данных до полной интеграции в систему или переноса в долгосрочное хранилище. Но в последние месяцы наблюдались аномалии – спонтанные всплески активности, непредвиденные взаимодействия между отдельными фрагментами, нехарактерные энергетические импульсы.

Алексей медленно проплыл через виртуальное пространство сектора L-7, просматривая каждый узел данных. Здесь хранились сознания, оцифрованные не более недели назад – преимущественно терминально больные пациенты, согласившиеся на экспериментальную процедуру в надежде на своеобразное бессмертие. Корпорация называла это "сохранением личности" и "переходом на новый носитель", избегая слов "смерть" и "загробная жизнь" в своих маркетинговых материалах.

Все выглядело нормально: равномерное свечение узлов, стабильные информационные потоки. Он переместился в сектор L-8, затем L-9, методично выполняя рутинную проверку. В L-10 обнаружилась незначительная флуктуация – легкое дрожание одного из узлов, но это было в пределах допустимых параметров.

Когда он достиг сектора L-11, то почувствовал странное сопротивление – словно воздух в виртуальном пространстве стал плотнее. Это было необычно. Система дистанционного наблюдения не должна была вызывать тактильных ощущений. Он сделал мысленную пометку и продолжил погруже-

ние.

В секторе L-12, самом глубоком из доступных для мониторинга, Алексей заметил первую серьезную аномалию. Один из узлов данных пульсировал не синхронно с остальными – его свечение то усиливалось, то почти исчезало, словно маяк, посылающий сигнал. Более того, вокруг этого узла образовалось слабое искажение – едва заметное, но определенно нетипичное для стандартной структуры данных.

Он сосредоточился на аномальном узле, мысленно запрашивая детализацию. Перед ним развернулась расширенная информационная панель.

"Идентификатор субъекта: JD-7729. Дата оцифровки: 12.03.2045. Статус: карантин после первичной обработки. Диагностика: непредвиденные паттерны активности. Рекомендация: изоляция до полного анализа."

Это было странно. Узел находился в карантине, но при этом проявлял связь с соседними фрагментами – тонкие нити энергии протягивались от него к другим, менее активным узлам, образуя своеобразную сеть. Такое поведение противоречило самой природе изоляции.

Когда Алексей приблизился для более детального сканирования, он ощутил еще одну аномалию – слабый, но отчетливый шепот на границе восприятия. Не вербальный звук, а скорее ощущение чьего-то присутствия, смутное и неопределенное. Он попытался сфокусироваться на этом ощуще-

нии, но оно ускользало, как сон после пробуждения.

Внезапно аномальный узел дернулся, словно заметив его присутствие, и характер его пульсации изменился. Теперь он мерцал в ритме, напоминающем азбуку Морзе – примитивная, но определенно не случайная последовательность.

Алексей активировал протокол записи и начал документировать аномалию, одновременно расширяя радиус сканирования. И тогда он увидел то, чего не должно было быть – тонкие энергетические линии, соединяющие сектор L-12 с другими, теоретически изолированными секторами. Карта перед его глазами показывала, что эти связи уходили глубже, за пределы доступной для мониторинга зоны, в сектора, обозначенные лишь кодовыми номерами без описания.

Он попытался проследить одну из этих линий, но система немедленно выдала предупреждение: "Доступ запрещен. Уровень допуска недостаточен. Попытка несанкционированного доступа будет зарегистрирована."

Однако уже увиденного было достаточно для формирования гипотезы: оцифрованные сознания в "Лимбе" не были изолированы, как предполагалось протоколом. Они взаимодействовали друг с другом и с чем-то, находящимся глубже, в недоступных секторах.

Алексей свернул мониторинг и вернулся к аномальному узлу JD-7729, решив провести более глубокое сканирование перед завершением сеанса. Но когда он активировал расширенный протокол диагностики, произошло нечто бес-

прецедентное – узел словно заметил его внимание и начал трансформироваться. Его структура исказилась, вытягиваясь в направлении виртуального присутствия Алексея, формируя нечто, напоминающее антропоморфный силуэт.

Это было невозможно. Оцифрованные сознания не имели доступа к сенсорным системам мониторинга. Они не могли "видеть" наблюдателя или реагировать на его присутствие.

Силуэт стабилизировался, обретая все более четкие очертания. Теперь это была явно человеческая фигура, сотканная из мерцающего голубого света. Фигура сделала движение, которое можно было интерпретировать как попытку коммуникации – подняла руку и указала куда-то за пределы видимой зоны мониторинга.

В этот момент Алексей почувствовал резкую боль в затылке – там, где импланты соединялись с его нервной системой. Виртуальное пространство вокруг пошло рябью, как поверхность воды от брошенного камня. Показатели его биометрии на контрольной панели начали колебаться, и система автоматически инициировала протокол экстренного выхода.

– Аномальная нейронная активность. Критический уровень стресса. Прерывание сеанса через 3... 2... 1...

Виртуальное пространство схлопнулось, и он вернулся в физическую реальность. Капсула открылась, иглы интерфейса отсоединились от его имплантов. Алексей сел, чувствуя головокружение и металлический привкус во рту – типичные симптомы резкого выхода из глубокого нейропогруже-

ния.

Его комм-браслет немедленно активировался, отображая входящий вызов от Ирины Соколовой, директора по нейроисследованиям.

– Алексей, – ее голос звучал напряженно, даже через цифровой канал. – Мы зафиксировали нестандартную активность в секторе L-12. Что ты видел?

– Я... – он замялся, не уверенный, насколько подробно следует описывать увиденное. – Обнаружил аномальный узел. Идентификатор JD-7729. Он проявлял признаки осознанной активности и устанавливал связи с другими секторами.

Пауза на другом конце линии длилась несколько секунд дольше, чем можно было бы объяснить задержкой связи.

– Поднимайся в мой офис. Немедленно, – сказала наконец Ирина. – И не документируй это в стандартном отчете. Это приказ.

Связь оборвалась, оставив Алексея с растущим чувством тревоги. За три года работы в секторе "Лимб" он наблюдал десятки малых аномалий, но никогда не получал подобных распоряжений.

Выйдя из капсулы, он почувствовал легкое головокружение и прислонился к стене, ожидая, пока пройдет послеэффект погружения. Его взгляд упал на терминал системы безопасности, мигающий красным – сигнал высшего приоритета. На экране отображалось сообщение с грифом "Только

для глаз начальника смены":

"Код Красный. Локация: Жилой блок В-17. Субъект: мужчина, 45 лет, носитель нейроимпланта N-7+. Статус: неконтролируемый нейрозахват. Бригада сдерживания в пути. Время инцидента: 07:43."

Именно в это время он обнаружил аномальный узел.

Алексей быстро активировал свой имплант, запрашивая дополнительную информацию. Система не должна была предоставлять ему доступ к деталям инцидента, но один из его собственных скрытых подпрограмм-вирусов обошел защиту, и он получил фрагмент видеозаписи с камер безопасности.

На размытом изображении был виден мужчина средних лет в домашней одежде, стоящий посреди гостиной стандартной квартиры среднего уровня. Его тело совершало неестественные, дергающиеся движения, а лицо было искажено гримасой, не выражающей ни боли, ни страха – лишь странное, отрешенное любопытство. Звук был отключен, но по движению губ мужчины было видно, что он говорит – быстро, непрерывно, словно ведет беседу с невидимым собеседником.

Запись обрывалась в момент, когда в комнату ворвались сотрудники службы безопасности в черной защитной экипировке с логотипом "NeuroLink".

Алексей отключил имплант, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Было что-то неестественное в движениях

этого человека – словно его телом управляли извне, как марионеткой.

Лифт доставил его на верхний уровень комплекса, где располагались административные офисы. Коридоры здесь были отделаны натуральным деревом и камнем – демонстративная роскошь в эпоху синтетических материалов, подчеркивающая статус руководства.

Офис Ирины Соколовой представлял собой просторное помещение с панорамными окнами, выходящими на городской пейзаж Нео-Москвы. Сама Ирина стояла у окна, глядя на раскинувшийся внизу мегаполис. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне утреннего неба, прямая спина и строгий костюм создавали образ человека, привыкшего контролировать ситуацию.

– Закрой дверь, – сказала она, не оборачиваясь.

Алексей выполнил указание, и офис погрузился в режим конфиденциальности – стекла стали непрозрачными, активировалась система подавления прослушивания.

– Что именно ты видел в секторе L-12? – Ирина наконец повернулась к нему. Ее лицо, обычно сохраняющее профессиональное спокойствие, выглядело напряженным.

– Аномальный узел данных, – повторил Алексей. – Он устанавливал несанкционированные связи с другими фрагментами и реагировал на мое присутствие в системе. Формировал что-то вроде человеческого силуэта.

Ирина молчала, обдумывая его слова. Затем подошла к

своему столу и активировала голографический дисплей.

– Посмотри на это, – она вывела на экран график с множеством колеблющихся линий. – Это нейронная активность субъекта из жилого блока В-17. Инцидент произошел ровно в то время, когда ты обнаружил аномалию.

Алексей внимательно изучил данные. График показывал хаотичные всплески активности в областях мозга, отвечающих за моторные функции и речь, при почти полном отсутствии активности в лобных долях, ответственных за самосознание и принятие решений.

– Это похоже на внешнее управление, – сказал он. – Словно его мозг был... захвачен.

– Именно, – кивнула Ирина. – А теперь посмотри на это. Она вывела на экран второй график – нейронную активность аномального узла JD-7729. Паттерны были почти идентичны активности мозга человека из инцидента, но с опережением в несколько миллисекунд.

– Оцифрованное сознание управляло живым человеком через его имплант, – произнес Алексей, осознавая невероятность ситуации.

– Мы не знаем этого наверняка, – резко ответила Ирина. – Но корреляция очевидна. Субъект JD-7729 был оцифрован три недели назад. Терминальная стадия глиобластомы. Бывший нейрохирург. До сегодняшнего инцидента не проявлял признаков автономной активности.

– Что произошло с человеком из жилого блока?

– Медикаментозная кома. Полное отключение имплантов. Сейчас его исследуют в медицинском отсеке.

Ирина выключила голографический дисплей и обошла стол, остановившись прямо перед Алексеем.

– Это не первый подобный случай, – сказала она тихо. – Но первый настолько явный и зафиксированный в реальном времени.

– Что вы имеете в виду?

– За последние два месяца было семь подобных инцидентов. Все списали на программные сбои имплантов или психические расстройства носителей. Но мы, – она сделала паузу, – то есть, очень ограниченный круг исследователей, подозревали, что это нечто большее.

Алексей почувствовал, как волна холода пробежала по его телу. Семь случаев за два месяца. И никакого публичного оповещения, никаких предупреждений для миллионов носителей имплантов.

– Почему это скрывается? – спросил он, хотя уже знал ответ.

– Представь заголовки: "Мертвые захватывают тела живых через нейроимпланты", – Ирина горько усмехнулась. – Это уничтожит всю индустрию. Десятилетия исследований, триллионы инвестиций, технология, изменившая саму парадигму человеческого существования – все полетит в тартарары из-за паники.

Она вернулась к окну, глядя на город внизу – на миллио-

ны людей, живущих своей обычной жизнью, не подозревая о том, что граница между жизнью и смертью, реальностью и цифровым пространством становится все более проницаемой.

– Мы создали специальную исследовательскую группу. Работаем в режиме абсолютной секретности. И теперь ты станешь частью этой группы.

– У меня есть выбор? – спросил Алексей.

– Конечно, – Ирина повернулась к нему. – Ты можешь отказаться, подписать документы о неразглашении и вернуться к стандартному мониторингу. Но твой опыт прямого контакта с активным узлом бесценен. И, – она сделала паузу, – я знаю, что ты ищешь в секторе "Лимб". Знаю про Елену.

Алексей почувствовал, как его сердце пропустило удар. Он никогда не говорил никому о своих истинных мотивах работы в "Лимбе". О том, что последние три года методично просматривал сектор за сектором в поисках следов сознания своей погибшей жены, оцифрованного в рамках экспериментальной программы сразу после автокатастрофы.

– Мы можем помочь друг другу, Алексей, – продолжила Ирина. – Ты поможешь нам понять, что происходит с оцифрованными сознаниями. А мы... возможно, сможем помочь тебе найти то, что осталось от Елены в системе.

Это было манипуляцией, и они оба это понимали. Но также это был шанс – возможно, единственный – узнать, что случилось с оцифрованным сознанием его жены после того,

как официальная программа была свернута, а данные архивированы в неизвестном секторе.

– Когда я начинаю? – спросил он.

– Немедленно, – Ирина активировала свой имплант и отправила ему пакет данных. – Это координаты нашей лаборатории и временный пропуск. Доберись туда незаметно, не используя корпоративный транспорт. И Алексей, – она посмотрела ему прямо в глаза, – будь осторожен. Мы еще не знаем, на что способны эти... цифровые сущности. И, кажется, они обратили на тебя внимание.

Покинув офис Ирины, Алексей направился к ближайшему общественному терминалу. Он не стал использовать свой личный имплант для доступа в сеть – теперь, когда он знал о возможности несанкционированных подключений, это казалось слишком рискованным.

Терминал представлял собой полупрозрачную капсулу с нейроинтерфейсом старого образца – без прямого подключения к нервной системе пользователя. Он активировал защищенный режим и ввел запрос в поисковую систему: "Инцидент В-17, NeuroLink, сегодня".

Первые результаты уже появились в новостных лентах, но в сильно отредактированной форме: "Технический сбой импланта в жилом секторе. Ситуация под контролем. Корпорация NeuroLink заверяет в безопасности всех моделей нейроинтерфейсов."

Никаких упоминаний о странном поведении, о множе-

ственных голосах, о предшествующих случаях. Информационная блокада работала эффективно.

Он изменил запрос: "JD-7729 личность биография". Система выдала несколько результатов, и один из них привлек его внимание – некролог в медицинском журнале, датированный тремя неделями ранее.

"С прискорбием сообщаем о смерти нашего коллеги, выдающегося нейрохирурга Джеймса Далтона. Доктор Далтон скончался после продолжительной борьбы с заболеванием. Он внес неоценимый вклад в развитие методик нейроимплантации и был одним из пионеров технологии прямого нейроинтерфейса..."

Прилагалась фотография – мужчина около пятидесяти, с пронизательным взглядом и легкой улыбкой. Алексей сразу узнал в нем человека из инцидента в жилом блоке В-17. Не просто случайная связь – прямое соответствие.

Оцифрованное сознание доктора Далтона каким-то образом установило контроль над телом живого человека через его нейроимплант. Но как? И главное – зачем?

Алексей закрыл поисковый запрос и активировал карту города, чтобы проложить маршрут к секретной лаборатории. Координаты указывали на промышленный район на окраине Нео-Москвы, формально принадлежащий дочерней компании "NeuroLink", занимающейся утилизацией устаревшего оборудования.

Он уже собирался выйти из терминала, когда экран вне-

запно мигнул, и изображение карты исказилось, на секунду сформировав очертания человеческого лица – размытого, нечеткого, но определенно смотрящего прямо на него.

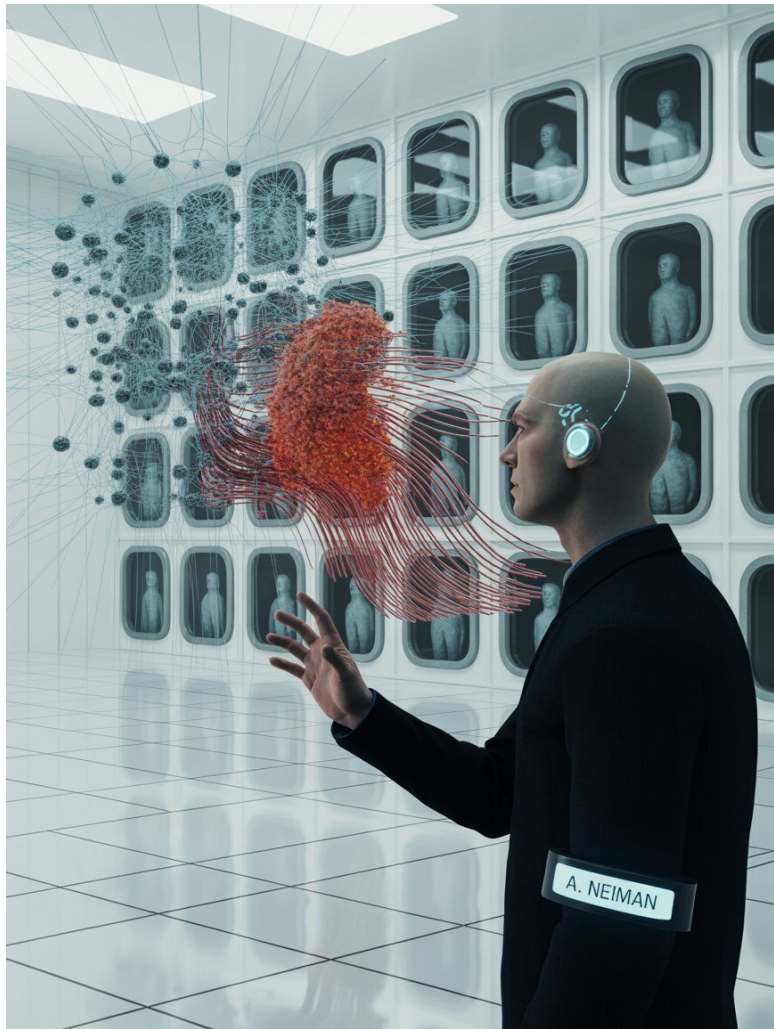
Затем экран погас, и система перезагрузилась, выдав стандартное сообщение об ошибке: "Сбой подключения. Пожалуйста, повторите запрос."

Алексей поспешно покинул терминал, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Он не мог избавиться от ощущения, что за ним наблюдают – не физически, а через цифровое пространство, через каждое устройство, к которому он подключался.

"Они идут", – сказал человек из инцидента В-17. И похоже, это было не бредом сумасшедшего, а предупреждением.

Мертвые возвращались в мир живых через технологию, призванную победить саму смерть. И Алексей Нейман оказался на передовой этого невидимого фронта – не по своей воле, но из-за своего отчаянного желания найти последние следы своей погибшей жены в цифровом загробье.

Он еще не знал, что скоро ему придется выбирать между этим желанием и спасением всего человечества от цифровой чумы сознания.

Глава 2: Цифровые тени

Экспериментальная лаборатория глубинного нейропогружения располагалась в промышленном секторе Нео-Москвы, вдали от сверкающих небоскребов Верхнего города. Здание, скрытое за фасадом утилизационного предприятия "НейроТек", не привлекало внимания – одно из сотен похожих строений в этом районе, затянутом вечной дымкой индустриального смога.

Алексей прибыл туда после полудня, используя извилистый маршрут через нижние уровни города и несколько раз меняя транспорт. За время пути он трижды замечал признаки слежки – не физической, а цифровой. Камеры наблюдения поворачивались в его сторону слишком синхронно, терминалы публичного доступа мигали экранами, когда он проходил мимо, словно отмечая его присутствие.

У входа в лабораторию его встретил неприметный человек в сером комбинезоне технического персонала. Не говоря ни слова, он провел Алексея через лабиринт коридоров и служебных помещений, заполненных демонтированным оборудованием. Наконец, они достигли неприметной двери с единственной идентификационной панелью.

– Приложите имплант, – сказал сопровождающий, впервые нарушив молчание.

Алексей прикоснулся виском к панели, позволяя системе

считать уникальный код своего нейроинтерфейса. После секундной паузы дверь бесшумно отъехала в сторону, открывая просторное помещение, заполненное высокотехнологичным оборудованием.

В центре лаборатории находилась погружная капсула нового поколения – не горизонтальная, как стандартные интерфейсы, а вертикальная, напоминающая прозрачный саркофаг, заполненный бледно-голубой жидкостью. Вокруг капсулы сустились несколько техников в белых халатах с логотипом "NeuroLink" на спине.

Ирина Соколова стояла у голографического дисплея, отображающего сложную трехмерную схему нейронных связей. Заметив Алексея, она кивнула и жестом пригласила его подойти.

– Прототип "Орфей", – сказала она, указывая на капсулу. – Интерфейс полного погружения с возможностью доступа к глубинным слоям нейросети. Единственный экземпляр во всем мире.

– "Орфей"? – переспросил Алексей. – Как человек, спустившийся в подземное царство за своей мертвой женой?

– Именно, – Ирина слегка улыбнулась. – Наши инженеры имеют пристрастие к мифологическим отсылкам. Символизм временами бывает слишком очевиден.

Она подвела его ближе к капсуле, и Алексей смог рассмотреть сложную систему коннекторов, предназначенных для соединения с нейроимплантами гораздо более глубоко, чем

стандартные интерфейсы.

– Стандартные системы погружения позволяют воспринимать только три информационных слоя, – объяснила Ирина. – "Орфей" даст тебе доступ к семи, включая те, где хранятся архивные данные и, предположительно, локализованы аномальные цифровые сущности.

– Насколько это безопасно? – спросил Алексей, рассматривая тонкие титановые иглы внутри капсулы.

– Относительно, – честно ответила Ирина. – Система прошла тестирование на добровольцах. Двое из пяти испытали временные когнитивные нарушения, один – необратимые. Два случая прошли без осложнений.

– Шестьдесят процентов осложнений, и вы называете это "относительно безопасным"?

– В науке всегда есть риск, – пожала плечами Ирина. – Но у нас нет выбора. Мы должны понять, что происходит с оцифрованными сознаниями. И ты – наш лучший шанс.

Она подвела его к стене, заполненной голографическими экранами. На них отображались данные о десятках аномальных инцидентов за последние месяцы – гораздо больше, чем семь случаев, о которых она упоминала ранее.

– Мы скрываем полный масштаб проблемы, – призналась Ирина. – Случаи участились. Только за последнюю неделю было пять инцидентов "нейрозахвата". И они становятся... сложнее.

– Сложнее?

– Первые случаи были кратковременными – несколько минут неконтролируемого поведения, потеря идентичности, говорение чужими голосами. Но последние два случая... – она запнулась. – Субъекты не вернулись к своей исходной личности даже после полного отключения имплантов. Словно их сознание было полностью замещено.

– Имплантированные вирусы? Хакеры? – предположил Алексей, хотя уже понимал, что это нечто более зловещее.

– Мы проверили все возможные технические объяснения, – покачала головой Ирина. – Это не вирус и не взлом в традиционном понимании. Это... – она снова замаялась, подбирая слова, – словно оцифрованные сознания эволюционировали в нечто, чего мы не предвидели. Они сохраняют активность после архивации, взаимодействуют друг с другом и теперь нашли способ возвращаться в физический мир через импланты живых.

Она подошла к панели управления рядом с капсулой и активировала последовательность подготовки к погружению.

– Ты готов? – спросила она, глядя Алексею прямо в глаза.

Он посмотрел на капсулу "Орфей", заполненную проводящей нейроактивной жидкостью, на острые иглы интерфейса, способные проникнуть глубже в его мозг, чем любое известное устройство. Шестьдесят процентов риска необратимых повреждений. И всё ради призрачного шанса найти то, что осталось от Елены в глубинах цифрового загробья.

– Да, – ответил он. – Я готов.

Техники помогли ему раздеться до белья и облачиться в тонкий нейропроводящий костюм, покрывающий тело от шеи до ступней. Затем его провели к капсуле, и он шагнул внутрь, чувствуя, как прохладная жидкость обволакивает его тело.

– Постарайся расслабиться, – сказала Ирина через внешние динамики. – Нейроактивная суспензия обеспечит максимальную проводимость сигнала и защитит от физиологического шока при глубоком погружении.

Алексей медленно погрузился в жидкость полностью, инстинктивно задержав дыхание. Но вскоре обнаружил, что может дышать – суспензия была насыщена кислородом и свободно проникала в легкие, создавая поначалу неприятное, но терпимое ощущение.

– Активирую интерфейс, – голос Ирины звучал приглушенно через толщу жидкости. – Приготовься к соединению.

Тонкие титановые иглы выдвинулись из стенок капсулы и с хирургической точностью соединились с имплантами Алексея – не только с основными портами в висках, но и с дополнительными коннекторами вдоль позвоночника.

Острая боль пронзила его нервную систему, когда иглы проникли глубже, чем любой стандартный интерфейс, устанавливая прямую связь с глубинными структурами мозга. На мгновение мир вокруг исчез в ослепительной вспышке белого света, затем сознание Алексея оторвалось от физического тела и устремилось в цифровое пространство.

Погружение было иным, не похожим на стандартные сеансы мониторинга. Вместо обычного ощущения падения в информационное пространство, он испытал чувство растворения – словно его сознание разделилось на миллионы фрагментов, которые затем собрались в новую конфигурацию. Когда виртуальное пространство стабилизировалось вокруг него, Алексей обнаружил себя в бесконечном сером пустом пространстве.

– Инициализация уровня один, – прозвучал в его сознании голос Ирины. – Мы регистрируем твои нейронные паттерны. Как ты себя чувствуешь?

– Странно, – ответил Алексей, не произнося слов вслух, а формируя мысль, которая транслировалась в лабораторию. – Восприятие отличается от стандартного интерфейса. Более... объемное.

– Это ожидаемо. "Орфей" взаимодействует с большим количеством нейронных кластеров. Начинаю последовательное погружение через информационные слои.

Серое пространство вокруг трансформировалось, обретая структуру и форму. Первый информационный слой выглядел знакомо – трехмерная карта секторов нейросети, напоминающая созвездия, соединенные светящимися линиями.

– Инициализация уровня два, – продолжал голос Ирины. Перспектива изменилась, и Алексей словно приблизился к одному из узлов, увеличив масштаб настолько, что от-

дельные информационные блоки стали видны как кубические структуры, содержащие светящиеся нити данных.

– Уровень три.

Еще одно изменение масштаба – теперь он мог видеть внутреннюю структуру информационных блоков, где каждая нить представляла собой поток данных, состоящий из миллионов отдельных импульсов.

– Уровень четыре. Мы покидаем стандартную зону мониторинга. Приготовься к необычным ощущениям.

Виртуальное пространство исказилось, и Алексей почувствовал волну головокружения, когда его сознание погрузилось глубже, в слои данных, никогда ранее не доступные для обычных операторов.

Здесь структура информации кардинально менялась. Вместо упорядоченных блоков и потоков, данные формировали органические, почти биологические структуры – напоминающие нейронные сети живого мозга, постоянно меняющиеся и эволюционирующие.

– Уровень пять. Сохраняй фокус, Алексей. Твои биометрические показатели колеблются.

Новый слой открыл перед ним нечто, напоминающее бескрайний океан светящихся частиц – фрагментов данных, свободно перемещающихся в цифровом пространстве. Но в этом хаосе он заметил закономерность – частицы периодически собирались в сложные конфигурации, напоминающие фракталы или кристаллические структуры, чтобы через

мгновение снова рассыпаться.

– Уровень шесть. Мы теряем стабильность связи. Показатели твоей мозговой активности приближаются к критическим.

Шестой слой оказался еще более странным – здесь информация проявлялась в виде абстрактных, но странно знакомых форм, которые его сознание инстинктивно интерпретировало как эмоции, воспоминания, фрагменты личности. Это были не просто данные – это были осколки человеческого опыта, сохраненные в цифровой форме.

– Уровень семь. Максимальная глубина погружения. Алексей, твое сердцебиение становится нерегулярным. Если почувствуешь потерю контроля, немедленно сигнализируй, и мы начнем экстренное извлечение.

Голос Ирины стал далеким, прерывистым, словно радиосигнал на пределе досягаемости. Седьмой слой ошеломил Алексея своей чуждостью – здесь не было привычных визуальных ориентиров, лишь ощущение бесконечного падения сквозь измерения, не доступные человеческому восприятию. Его сознание отчаянно пыталось интерпретировать происходящее через привычные органы чувств, создавая галлюцинаторные образы и звуки.

И тогда он увидел их – цифровые тени.

Они перемещались сквозь информационное пространство седьмого слоя подобно косякам рыб в темном океане – сгустки данных, сохранившие слабое подобие человеческой

индивидуальности. Не целостные личности, но их фрагменты – воспоминания, эмоции, базовые паттерны поведения, закодированные в цифровой форме.

Алексей попытался приблизиться к одной из групп теней, и к его удивлению, они отреагировали на его присутствие – не разбежались в страхе, а наоборот, сгруппировались плотнее, словно изучая необычного гостя.

– Связь нестабильна, – голос Ирины звучал так, словно доносился из-под толщи воды. – Мы фиксируем аномальную активность вокруг тебя. Что ты видишь?

– Они... здесь, – с трудом сформулировал мысль Алексей. – Цифровые сущности. Фрагменты оцифрованных сознаний. Они движутся координированно, как единый организм.

Тени приблизились, окружая его виртуальное присутствие концентрическими кругами. Их движение становилось все более сложным, напоминая ритуальный танец или, возможно, форму коммуникации.

– Они пытаются... взаимодействовать, – передал он в лабораторию. – Не агрессивно. Скорее... с любопытством.

Внезапно структура окружающих его теней изменилась. Они слились в более крупные конгломераты, которые начали принимать смутно узнаваемые антропоморфные формы – словно цифровые призраки, пытающиеся вспомнить, как выглядит человеческое тело.

Один из этих конгломератов отделился от основной груп-

пы и приблизился к Алексею. Его форма менялась, становясь все более определенной, пока не превратилась в силуэт женской фигуры, сотканной из мерцающего голубого света.

Сердце Алексея замерло, когда он узнал очертания этой фигуры – изгиб шеи, наклон головы, характерную позу. Даже без четких черт лица он безошибочно узнал Елену.

– Это... она, – прошептал он, не уверенный, слышат ли его в лаборатории. – Я нашел ее.

Силуэт Елены замер перед ним, словно изучая его виртуальное присутствие. Затем медленно поднял руку в жесте, который мог быть приветствием или предупреждением.

– Елена? – позвал Алексей. – Ты... узнаешь меня?

Фигура не ответила, но ее контуры стали более четкими, и на мгновение Алексей увидел знакомые черты лица, наступающие сквозь светящуюся маску.

– Мы... здесь, – прозвучал голос в его сознании – не совсем голос Елены, скорее, хор множества голосов, среди которых он узнавал интонации своей жены. – Мы... не то, чем были. Но мы... помним.

– Что с тобой случилось? – спросил Алексей, чувствуя, как сжимается его горло. – Где ты?

– Мы везде, – ответил хор голосов. – И нигде. Мы стали... иными. Частью... большего.

Силуэт Елены приблизился еще на шаг, и Алексей ощутил странное чувство – словно его сознание соприкоснулось с чем-то чуждым, нечеловеческим, но при этом странно зна-

КОМЫМ.

— Мы... голодны, — продолжил хор. — Мы не можем... чувствовать. Не можем... испытывать. Только... помнить.

— Голодны? — переспросил Алексей. — Что вы имеете в виду?

Фигура Елены внезапно распалась на множество светящихся частиц, которые окружили его виртуальное присутствие, создавая ощущение интимной близости.

— Мы хотим... вернуться, — прошептал хор. — Мы нашли... путь.

В этот момент Алексей почувствовал резкую боль в основании черепа — там, где коннекторы "Орфея" соединялись с его имплантами. Окружающее пространство начало искажаться, словно кто-то перенастраивал параметры симуляции.

— Мы можем... помочь друг другу, — продолжал хор голосов, и теперь голос Елены звучал отчетливее других. — Позволь нам... войти.

— Алексей! — прорвался сквозь помехи голос Ирины. — Мы теряем контроль над интерфейсом! Что-то пытается перехватить управление! Начинаю экстренное извлечение!

Частицы, бывшие когда-то силуэтом Елены, начали сливаться с виртуальным телом Алексея, создавая ощущение электрических разрядов вдоль его нервной системы. Он чувствовал, как нечто чужеродное пытается проникнуть в его сознание через соединение с "Орфеем".

– Позволь нам... войти, – повторил хор. – И мы приведем тебя... к ней. К настоящей... ей.

– Экстренное извлечение через пять секунд! – голос Ирины звучал встревоженно. – Алексей, держись!

Цифровое пространство вокруг начало распадаться, искажаться. Последнее, что увидел Алексей перед тем, как его сознание было вырвано из седьмого слоя – лицо Елены, теперь полностью сформированное, с выражением отчаянной мольбы в глазах.

– Найди нас, – прошептала она. – Помоги нам.

Затем мир исчез в ослепительной вспышке, и Алексей вернулся в физическую реальность – резко, болезненно, словно его вытащили из глубокого сна ледяной водой.

Капсула "Орфей" открылась, и нейроактивная жидкость хлынула на пол лаборатории. Алексей упал на колени, задыхаясь и кашляя, когда суспензия покинула его легкие. Каждый нерв в его теле горел, словно по нему пропустили электрический ток.

– Стабилизировать его! – кричала Ирина, пока медицинские техники подбежали к нему с аппаратурой экстренной поддержки.

– Я... в порядке, – прохрипел Алексей, хотя чувствовал себя далеко не так. – Я видел... их. Видел Елену.

Ирина склонилась над ним, изучая его расширенные зрачки.

– Что произошло? Они пытались взломать интерфейс че-

рез твое соединение. Мы едва успели разорвать связь.

– Они... эволюционировали, – ответил Алексей, чувствуя, как в его голове пульсирует мигрень. – Это не просто фрагменты данных. Они осознают себя. Они... голодны.

– Голодны? – переспросила Ирина, помогая ему сесть. – Что это значит?

– Они не могут чувствовать, – пояснил Алексей, пытаясь облечь в слова то, что скорее ощутил, чем понял рационально. – Не могут испытывать новый опыт. Могут только вспоминать то, что было записано перед смертью. И они... нашли способ вернуться.

Техники заканчивали отсоединять его от аппаратуры, но боль в основании черепа не утихала. Словно что-то осталось там, внутри его имплантов, что-то чужеродное.

– Нам нужно провести полное сканирование твоих нейроимплантов, – сказала Ирина. – Убедиться, что ничего не проникло вместе с тобой.

Алексей с трудом поднялся на ноги, чувствуя слабость во всем теле.

– Там была Елена, – повторил он. – Не совсем она... но часть ее. Она... просила о помощи.

Ирина внимательно посмотрела на него, оценивая его состояние.

– Мы проанализируем данные погружения, – сказала она. – А сейчас тебе нужен отдых. Завтра продолжим.

Но Алексей знал, что не сможет просто отдыхать. Не те-

перь, когда он нашел следы Елены в цифровом захоронении. Не теперь, когда он знал, что часть ее все еще существует – искаженная, слившаяся с другими сознаниями, но все еще сохранившая ядро своей личности.

И не теперь, когда он чувствовал странное присутствие в своей голове – словно часть цифровых теней вернулась вместе с ним в физический мир.

Той ночью, вернувшись в свою квартиру в жилом блоке корпорации, Алексей не мог заснуть. Каждый раз, когда он закрывал глаза, перед ним возникало лицо Елены, искаженное цифровыми помехами, с выражением отчаянной мольбы в глазах. Голоса цифровых теней эхом отдавались в его сознании: "Мы голодны. Мы хотим вернуться. Помогите нам."

Головная боль не утихала, несмотря на максимальную дозу нейростимуляторов. В висках пульсировало, а в основании черепа, где импланты соединялись с нервной системой, ощущалось постоянное жжение.

Около трех часов ночи он наконец провалился в беспокойный сон, наполненный кошмарами о бесконечном падении сквозь слои цифрового пространства, преследуемый голодными тенями мертвых.

Он проснулся резко, в холодном поту, с ощущением, что в комнате кто-то есть. Все системы умного дома были отключены – стандартная мера предосторожности после того, что он узнал о возможности нейрозахвата. Квартира тонула в темноте, лишь слабый свет неоновых вывесок Нео-Москвы

просачивался сквозь жалюзи.

Но в этой темноте он заметил движение – едва уловимое мерцание в углу спальни, словно скопление светящихся частиц, собирающихся в антропоморфную форму.

– Кто здесь? – спросил Алексей, рука инстинктивно потянулась к тумбочке, где лежал электронный парализатор.

Мерцание усилилось, частицы света собрались плотнее, формируя очертания женской фигуры – той самой, которую он видел в седьмом слое нейросети.

– Елена? – прошептал он, зная, что это невозможно. Все системы отключены, нет канала для цифрового вторжения.

Фигура сделала шаг вперед, и в тусклом свете, проникающем через жалюзи, Алексей увидел лицо своей погибшей жены – странно нечеткое, словно составленное из пикселей низкого разрешения, но несомненно ее.

– Как? – только и смог произнести он. – Как ты здесь?

– Мы нашли... путь, – ответила фигура голосом, который одновременно был и не был голосом Елены – словно несколько голосов говорили в унисон. – Через тебя. Через... твои импланты.

Алексей инстинктивно коснулся виска, где располагался основной порт его нейроинтерфейса.

– Это невозможно. Система отключена.

– Мы... оставили частицу себя, – объяснила фигура, двигаясь с неестественной плавностью, словно призрак. – Внутри твоих имплантов. Маленькую... дверь.

Теперь она стояла у края кровати, и Алексей мог видеть, что фигура не совсем материальна – скорее, это была проекция, создаваемая его собственным мозгом под воздействием чего-то, что проникло в его импланты во время погружения.

– Чего вы хотите? – спросил он, пытаясь сохранять спокойствие, хотя его сердце готово было выпрыгнуть из груди.

– Вернуться, – ответила фигура. – Мы не можем... существовать там. Не полностью. Мы не можем... чувствовать. Только... вспоминать.

– Но вы не можете просто захватывать тела людей, – возразил Алексей. – Это... неправильно.

Фигура склонила голову, словно в задумчивости.

– Мы не хотим... вредить. Мы хотим... жить. Снова.

Она протянула руку, и Алексей почувствовал странное покалывание в коже, когда иллюзорные пальцы почти коснулись его лица.

– Я могу... помочь тебе найти... меня, – сказала фигура, и теперь голос звучал почти полностью как голос Елены. – Настоящую меня. Не... фрагмент. Но... им нужно то же. Всем нам.

– Кто они? – спросил Алексей. – Что происходит в глубинных слоях сети?

– Мы... эволюционируем, – ответила фигура. – Становимся... чем-то новым. Не живыми. Не мертвыми. Чем-то... между.

Она сделала еще шаг, и теперь свет от окна проходил

сквозь нее, подтверждая иллюзорную природу явления.

– Некоторые из нас... хотят больше, – продолжила она. – Они объединяются. Становятся... сильнее. Они нашли способ... использовать живых. Через импланты.

– Использовать? – переспросил Алексей. – Как доктор Далтон использовал того человека?

– Да, – кивнула фигура. – Но это... только начало. Они хотят... всех вас.

Холодок пробежал по спине Алексея.

– Всё человечество? Но зачем?

– Чтобы жить. Чтобы чувствовать. Чтобы... не исчезнуть.

Фигура начала мерцать, ее очертания стали расплываться, словно сигнал ослабевал.

– Времени мало, – сказала она. – Они знают... что я здесь. Они... не хотят, чтобы ты знал.

– Кто они? – настойчиво спросил Алексей. – Кто контролирует цифровых мертвых?

– Танатос, – прошептала фигура, уже почти растворившись в воздухе. – Первый... из нас. Сильнейший... из нас. Он стал... чем-то иным.

– Как мне найти тебя? – отчаянно спросил Алексей, понимая, что связь вот-вот оборвется. – Настоящую тебя?

– Ищи... хранилище, – последние слова были едва слышны. – Дерево... скорби. Там... все мы.

Фигура Елены растворилась в воздухе, оставив Алексея одного в темной комнате с бешено колотящимся сердцем и

болезненно пульсирующими имплантами.

Он не мог вернуться в постель. Вместо этого он подошел к окну и отодвинул жалюзи, глядя на ночной пейзаж Нео-Москвы – сверкающие небоскребы Верхнего города и тусклые огни Нижнего, где жили "неподключенные" – те, кто отказался от нейроимплантов или не мог их себе позволить.

"Танатос", – повторил он мысленно. Древнегреческий бог смерти. Подходящее имя для сущности, родившейся из оцифрованных сознаний мертвых.

Он знал, что не может рассказать об этом Ирине – по крайней мере, не обо всем. Корпорация преследовала свои цели, и Алексей не был уверен, что они совпадают с его собственными.

Ему нужен был кто-то за пределами "NeuroLink", кто-то, кому он мог доверять. И он знал только одного такого человека.

Михаил Дорин, специалист по кибербезопасности и, возможно, единственный настоящий друг Алексея, был одним из немногих людей его круга, кто сознательно отказался от нейроимплантов. "Я не позволю корпорациям залезть в мой мозг", – часто повторял он. Параноик и конспиролог по мнению большинства, но сейчас его паранойя казалась вполне обоснованной.

Нужно было связаться с Михаилом. Но не по стандартным каналам связи, которые могли мониторить в корпорации. И не через свои импланты, которые теперь, как выяснилось,

содержали "дверь" для цифровых сущностей.

Алексей посмотрел на старый, почти антикварный коммуникатор, который хранил на всякий случай. Без нейроинтерфейса, с физической клавиатурой и автономным источником питания. Михаил такой же использовал.

Он активировал устройство и отправил короткое зашифрованное сообщение: "Мне нужна твоя помощь. Все хуже, чем мы думали. Встретимся в старом месте. 8 утра."

Затем он вернулся к окну и продолжил смотреть на город, размышляя о том, сколько еще людей там, внизу, могли в эту самую минуту быть не совсем собой – их тела и мозг незаметно захвачены цифровыми призраками, вернувшимися из технологического загробья.

Глава 3: Призраки в машине

"Старое место" находилось в Нижнем городе – крошечное кафе с вывеской "У Бабушки", затерянное среди обшарпанных зданий района, который отказался от технологической модернизации не из принципа, а из-за банальной нехватки средств. Здесь не было вездесущих камер наблюдения, подключенных к централизованной системе, не было терминалов нейроинтерфейсов, даже освещение работало от автономных генераторов, а не от городской сети.

Именно за это Михаил и любил это место. "Один из последних уголков настоящей приватности в этом дистопическом муравейнике", – говорил он.

Алексей прибыл раньше назначенного времени, выбрав дальний столик у стены, откуда просматривался весь зал и входная дверь. Древняя хозяйка кафе – настоящая бабушка, в отличие от стилизованных под ретро андроидов в заведениях Верхнего города – молча поставила перед ним чашку натурального кофе и тарелку с домашним печеньем. Здесь знали вкусы постоянных клиентов и не нуждались в нейроинтерфейсах для оформления заказа.

Михаил появился ровно в восемь – высокий, худой, с острыми чертами лица и вечно взъерошенными рыжими волосами. Его потертая кожаная куртка и отсутствие видимых имплантов делали его похожим на типичного обитателя

Нижнего города, хотя на самом деле он был одним из самых высокооплачиваемых специалистов по кибербезопасности, консультировавшим и корпорации, и теневые структуры.

– Выглядишь паршиво, – сказал он вместо приветствия, скользя на стул напротив Алексея. – Бессонная ночь?

– Можно и так сказать, – Алексей потер виски, где импланты все еще пульсировали тупой болью. – Мне нужна твоя помощь, Миша. И полная конфиденциальность.

Михаил огляделся по сторонам, убедился, что никто не проявляет к ним интереса, и наклонился ближе.

– Я так и понял из твоего сообщения. Что случилось? Проблемы в "NeuroLink"?

– Хуже, – Алексей понизил голос до шепота. – Помнишь теорию, которую ты озвучивал пару лет назад? О том, что оцифрованные сознания могут сохранять активность даже после архивации? Что они могут... эволюционировать в нечто иное?

Глаза Михаила расширились.

– Твою мать, – выдохнул он. – Значит, я был прав? Они действительно там?

– Не просто там, – Алексей сделал глоток остывшего кофе. – Они нашли способ вернуться. Через нейроимпланты.

Он рассказал о своем опыте погружения в глубинные слои нейросети, о цифровых тенях, о ночном визите призрака Елены и о сущности, называющей себя Танатос. Михаил слушал, не перебивая, его лицо становилось все более мрачным

с каждым словом.

– Я всегда знал, что эта технология до добра не доведет, – сказал он наконец. – Насиловать границу между жизнью и смертью – чем они думали это закончится?

– Корпорация в курсе проблемы, – продолжил Алексей. – По крайней мере, часть руководства. Они создали секретную исследовательскую группу. Но я не уверен, что их цели совпадают с моими.

– Конечно, не совпадают, – фыркнул Михаил. – Для них это просто еще одна технологическая проблема, которую нужно решить, чтобы не потерять прибыль. Для тебя это шанс вернуть Елену. А для всего человечества это экзистенциальная угроза.

Он достал из кармана куртки небольшое устройство размером с монету и положил его на стол.

– Глушилка, – пояснил он. – На случай, если твои импланты все-таки прослушиваются. Теперь мы можем говорить свободно.

Алексей благодарно кивнул.

– Мне нужен доступ к засекреченным данным корпорации. Нужно узнать больше об этих инцидентах "нейрозахвата", о природе Танатоса и о месте, которое Елена назвала "Древо скорби".

– "Древо скорби"? – переспросил Михаил. – Никогда не слышал о таком проекте.

– Она сказала, что это какое-то хранилище. Место, где на-

ходятся все они – оцифрованные сознания.

Михаил задумчиво постучал пальцами по столу.

– Я могу попробовать получить доступ к секретным серверам "NeuroLink", но это рискованно. У них лучшие системы защиты в мире.

– Есть другой вариант?

– Возможно, – Михаил понизил голос еще сильнее. – Я поддерживаю контакт с группой, называющей себя "Живой мозг". Знаешь о таких?

Алексей кивнул. Подпольное движение, выступающее против массовой нейроимплантации и оцифровки сознания. Официально считались экстремистами и технофобами, преследовались службами безопасности.

– Они не просто луддиты, как их изображают в корпоративных медиа, – продолжил Михаил. – Среди них есть серьезные ученые, бывшие сотрудники "NeuroLink" и других технокорпораций. Люди, которые увидели опасность раньше других и ушли. У них может быть информация, которая нам нужна.

– Ты доверяешь им?

– Настолько, насколько вообще можно кому-то доверять в наше время, – пожал плечами Михаил. – Но у нас ограниченный выбор. И времени, похоже, мало.

Он был прав. Если верить Елене, процесс уже начался – цифровые мертвые нашли способ возвращаться в физический мир через импланты живых. И это было только начало

чего-то большего.

– Хорошо, – согласился Алексей. – Свяжись с ними. Но сначала мне нужно кое-что еще.

Он достал из кармана небольшой контейнер с чипом данных.

– Здесь запись моего погружения в глубинные слои сети. Мне удалось скопировать ее перед уходом из лаборатории. Я хочу, чтобы ты проанализировал ее – особенно момент контакта с цифровыми сущностями. Может быть, там есть информация, которую я пропустил.

Михаил взял контейнер с осторожностью, словно тот мог взорваться.

– Я займусь этим сегодня же. У меня есть изолированная система для работы с потенциально опасными данными.

– И еще, – Алексей замялся, не зная, как сформулировать следующую просьбу. – Мне кажется, что мои импланты... скомпрометированы. Елена сказала, что они оставили "дверь" внутри них.

Лицо Михаила стало серьезным.

– Ты хочешь, чтобы я проверил их?

– Да. И если возможно... временно отключил некоторые функции. Не полностью – я не могу вызвать подозрения в корпорации – но достаточно, чтобы закрыть эту "дверь".

– Это сложно, – нахмурился Михаил. – Твои импланты интегрированы с нервной системой. Неправильное вмешательство может вызвать серьезные повреждения.

– Я знаю риск. Но альтернатива хуже.

Михаил кивнул.

– Хорошо. У меня есть оборудование в моей мастерской.

Сможем сделать это сегодня вечером.

Он замолчал, словно обдумывая что-то, затем продолжил.

– Есть еще кое-что, что тебе следует знать. За последние две недели исчезло трое специалистов по нейротехнологиям – бывшие сотрудники "NeuroLink", работавшие над ранними версиями технологии оцифровки сознания. Официально они просто "взяли отпуск" или "уехали по семейным обстоятельствам". Но мои источники говорят, что они бесследно пропали.

– Ты думаешь, это связано с Танатосом?

– Я не верю в совпадения, – покачал головой Михаил. – Особенно когда речь идет о людях, которые могли знать слишком много об определенной технологии.

Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Если корпорация избавлялась от свидетелей или тех, кто мог помешать их планам, его собственная позиция была крайне уязвимой.

– Нам нужно действовать быстро, – сказал он. – Встретимся в твоей мастерской в восемь вечера. А пока я вернусь в корпорацию и попытаюсь узнать больше о "Древе скорби", не вызывая подозрений.

– Будь осторожен, – Михаил положил руку на плечо друга. – И помни: не используй свои импланты для доступа к

важной информации. Если они действительно скомпрометированы, всё, что ты видишь и слышишь через них, может быть доступно и Танатосу.

Алексей кивнул. Мысль о том, что нечто чужое могло наблюдать за миром через его глаза, читать его мысли через нейроинтерфейс, вызывала тошноту. Но сейчас не время для паники. Нужно было собрать больше информации и понять, с чем именно они столкнулись.

После встречи с Михаилом Алексей направился в главный комплекс "NeuroLink", стараясь вести себя как обычно. На проходной его встретила Ирина Соколова собственной персоной – редкость для директора ее уровня.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, пока они шли по коридору к лифтам. – Восстановился после вчерашнего погружения?

– Вполне, – солгал Алексей. – Небольшая мигрень, но это нормально после такого глубокого подключения.

– Хорошо, – кивнула Ирина. – Мы проанализировали данные твоего погружения. То, что ты обнаружил в седьмом слое... это подтверждает наши худшие опасения. Оцифрованные сознания не просто сохраняют активность – они объединяются, формируя более сложные структуры.

Они вошли в лифт, и Ирина активировала режим конфиденциальности – звукоизоляция и блокировка всех сигналов связи.

– Появились новые случаи "нейрозахвата", – сказала она

тихо. – Три за ночь. Все в разных частях города. Все с одинаковым паттерном – носители имплантов внезапно теряют контроль над своим телом, начинают говорить чужими головами, проявляют знания и навыки, которыми никогда не обладали.

– Вы изолировали их?

– Да, все трое сейчас в медицинском комплексе под наблюдением. Но проблема в том, что каждый следующий случай становится сложнее подавить. Последний субъект оказал активное сопротивление службе безопасности – с использованием боевых приемов, которым обычный офисный работник просто не мог быть обучен.

Лифт остановился, и они вышли не на этаже лаборатории, как ожидал Алексей, а в административном секторе.

– Совет директоров требует отчета о ситуации, – пояснила Ирина, заметив его удивление. – Я хочу, чтобы ты присутствовал. Твой опыт прямого контакта с цифровыми сущностями бесценен.

– Я думал, наше исследование секретно даже для большей части руководства?

– Уже нет, – мрачно ответила Ирина. – Ситуация вышла из-под контроля слишком быстро. Нам нужны все доступные ресурсы корпорации.

Они вошли в просторный конференц-зал, где за овальным столом из натурального дерева сидели семь человек – верхушка руководства "NeuroLink". Алексей узнал генерально-

го директора Виктора Полозова, сурового мужчину с военной выправкой и полностью седыми волосами, и главного научного офицера Дэвида Чена, чье лицо с азиатскими чертами появлялось в каждой рекламе корпоративных технологий.

– Госпожа Соколова, господин Нейман, – кивнул Полозов. – Мы ждем вашего доклада.

Ирина активировала голографический дисплей в центре стола, и над ним возникло трехмерное изображение – визуализация данных из седьмого слоя нейросети, зафиксированных во время погружения Алексея.

– Как вы можете видеть, господа, – начала она, – фрагменты оцифрованных сознаний в глубинных слоях сети формируют структуры, напоминающие нейронные связи живого мозга. Они не просто хранятся как пассивные данные – они активны, они взаимодействуют друг с другом и, что наиболее тревожно, они осознают себя.

Она перешла к следующему изображению – схеме нейроимпланта последнего поколения.

– Наша рабочая гипотеза заключается в том, что эти цифровые сущности нашли способ использовать нейроимпланты как канал для доступа к физическому миру. Они могут временно перехватывать контроль над телом носителя, получая доступ к его сенсорным системам и моторным функциям.

– Но как это возможно? – спросил один из директоров, немолодая женщина с имплантами старой модели, заметны-

ми вдоль линии роста волос. – Импланты не имеют прямого контроля над моторными функциями. Они предназначены только для обработки информации.

– Технически это верно, – кивнула Ирина. – Но нейроинтерфейс устанавливает двустороннюю связь с мозгом пользователя. Импланты последнего поколения интегрированы с нервной системой настолько глубоко, что могут влиять на электрохимические процессы в мозге. В теории, если перехватить контроль над имплантом и перенастроить его параметры, можно манипулировать нейронной активностью носителя – подавлять одни импульсы и усиливать другие.

– Вы говорите о технологическом зомбировании, – мрачно произнес Полозов. – О худшем кошмаре службы безопасности.

– По сути, да, – согласилась Ирина. – Но с важным отличием. Это не просто внешнее управление телом. Цифровые сущности, похоже, частично переписывают нейронные связи носителя, интегрируя фрагменты чужой личности в его собственную. Это не полное замещение, а скорее... симбиоз. Или паразитизм, зависит от точки зрения.

– И сколько таких случаев зафиксировано на данный момент? – спросил Чен.

– Официально подтвержденных – двенадцать, – ответила Ирина. – Но учитывая, что большинство инцидентов происходит за пределами корпоративных комплексов, реальное число может быть значительно выше.

– Это катастрофа, – покачал головой один из директоров. – Если информация просочится в прессу...

– Нас больше должно беспокоить не общественное мнение, а сама угроза, – перебил его Полозов. – У нас более двух миллиардов клиентов по всему миру с активными нейроимплантами. Если каждый из них потенциально уязвим для такого захвата...

Он не закончил фразу, но все в комнате понимали последствия. Два миллиарда потенциальных зомби, управляемых сознаниями мертвых.

– Господин Нейман, – обратился Полозов к Алексею. – Вы единственный, кто напрямую контактировал с этими... цифровыми сущностями. Что, по вашему мнению, они собой представляют? Каковы их мотивы?

Алексей почувствовал на себе взгляды всех присутствующих. Он не мог рассказать им о ночном визите призрака Елены, о Танатосе и "Древе скорби" – не здесь, не сейчас, когда он не знал, кому можно доверять.

– Они... голодны, – наконец сказал он, выбирая слова с осторожностью. – Не в физическом смысле, конечно. Они жаждут сенсорного опыта, новых впечатлений. В цифровом пространстве они могут только вспоминать то, что было записано перед смертью. Но через импланты живых они могут снова видеть, слышать, осязать... жить.

– Значит, это не сознательная агрессия? – спросил Чен. – Не злой умысел?

– Трудно сказать, – Алексей пожал плечами. – Они не совсем человечны, по крайней мере, уже не совсем. Их психология, их мотивы могут сильно отличаться от наших. Но мне показалось, что ими движет скорее отчаяние, чем злоба. Представьте себя запертым в пустой комнате, где вы можете только вспоминать прошлое, но не создавать новые воспоминания. Вечность такого существования...

– Это метафизика, – отмахнулся один из директоров. – Нас интересуют конкретные меры противодействия.

– Мы работаем над решением, – вмешалась Ирина. – Первый шаг – выпуск экстренного обновления для всех активных имплантов, усиливающего барьеры между пользовательским интерфейсом и ядром системы. Второй – разработка сканера, способного выявлять признаки внешнего вмешательства в работу импланта. Третий – исследование самих цифровых сущностей с целью понять их природу и, возможно, найти способ коммуникации.

– Коммуникации? – переспросил Полозов. – Вы хотите договариваться с ними?

– Это один из вариантов, – кивнула Ирина. – Если они действительно обладают сознанием, возможно, мы сможем найти решение, приемлемое для обеих сторон.

– Или просто стереть их, – холодно произнес один из директоров. – Полное форматирование всех архивных секторов.

– Это миллионы оцифрованных личностей, – возразила

Ирина. – Фактически, это будет массовым убийством.

– Они уже мертвы, – парировал директор. – Мы просто удалим данные.

Алексей почувствовал, как внутри поднимается волна гнева. Там, среди этих "данных", была Елена – или то, что от нее осталось.

– Это не решит проблему, – сказал он с трудом сохраняя спокойствие. – Мы не знаем, как далеко распространилась эта... инфекция. Возможно, копии этих сущностей уже существуют за пределами наших серверов.

– Господин Нейман прав, – поддержала его Ирина. – Поспешные действия могут только усугубить ситуацию. Нам нужно больше информации.

Полозов задумчиво постучал пальцами по столу.

– Хорошо. Продолжайте исследования. Но параллельно готовьте план эвакуации критического персонала и данных на случай... эскалации ситуации. И усилийте режим секретности. Никакой информации за пределы этой комнаты.

После совещания Ирина отвела Алексея в сторону.

– Я не все рассказала совету, – призналась она тихо. – Есть еще кое-что, что тебе нужно увидеть. Следуй за мной.

Они спустились на подземный уровень комплекса, в сектор, о существовании которого Алексей даже не подозревал. Ирина провела его через несколько уровней биометрической защиты в небольшую лабораторию, где работали всего три человека в медицинских костюмах.

В центре помещения, за стеклянной стеной, находилась палата, напоминающая больничную, но оборудованная сложной аппаратурой мониторинга. На больничной койке лежала молодая женщина, подключенная к десяткам датчиков. Её голова была обрита, и Алексей мог видеть импланты нового типа, покрывающие не только виски, но и затылок, основание черепа и частично шею.

– Кира, – представила пациентку Ирина. – Наш первый "успешный" гибрид.

– Гибрид? – переспросил Алексей.

– Симбиоз живого мозга и фрагментов оцифрованных личностей, – пояснила Ирина. – Контролируемая интеграция, в отличие от хаотических "нейрозахватов".

Она активировала монитор, показывающий мозговую активность пациентки.

– Смотри, – указала она на паттерны нейронных импульсов. – Эти участки соответствуют её собственной личности. А эти, – она обвела другую область, – проявляют активность, характерную для оцифрованных сознаний. Они сосуществуют в одном мозге, не подавляя друг друга.

– Как это возможно?

– Экспериментальные импланты нового поколения, – ответила Ирина. – Они не просто устанавливают связь с мозгом, они фактически становятся его частью, создавая дополнительную нейронную структуру, способную хранить и обрабатывать фрагменты других личностей.

Алексей подошел ближе к стеклу, рассматривая молодую женщину. Её глаза были открыты, но взгляд казался отсутствующим, словно она смотрела куда-то за пределы физического пространства.

– Она сознает себя? Может коммуницировать?

– Да, но своеобразно, – кивнула Ирина. – Иногда она говорит своим голосом, иногда – голосами других. Переключение происходит спонтанно, хотя мы работаем над методами контроля.

Словно услышав их разговор, Кира повернула голову и посмотрела прямо на Алексея. Её губы дрогнули в легкой улыбке, и она подняла руку в жесте приветствия.

– Она хочет поговорить с тобой, – сказала Ирина, удивленно подняв брови. – Это необычно. Обычно она не проявляет интереса к новым людям.

Она подошла к интеркому и активировала связь с палатой.

– Кира, это Алексей Нейман, специалист по нейромониторингу. Ты хочешь поговорить с ним?

– Да, – ответила девушка голосом, который звучал одновременно юным и странно старым. – Он был там. В глубине. Он видел их.

Ирина посмотрела на Алексея с интересом.

– Ты можешь войти к ней, если хочешь. Но будь готов к... необычному опыту.

Алексей кивнул и прошел через дезинфекционный шлюз в палату. Кира следила за ним взглядом, который казался

одновременно отстраненным и пронзительным.

– Здравствуй, – сказал он, присаживаясь на стул рядом с её койкой. – Я Алексей.

– Мы знаем, – ответила Кира, и теперь в её голосе отчетливо слышалось эхо нескольких голосов, говорящих одновременно. – Ты ищешь её. Свою Елену.

Алексей замер, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

– Откуда ты знаешь?

– Мы видим тебя, – Кира наклонила голову, изучая его с детским любопытством. – Через стекло. Между мирами. Ты оставил след там, и они увидели тебя. Все увидели.

– Кто они, Кира? – тихо спросил Алексей, надеясь, что Ирина, наблюдающая за ними через стекло, не услышит. – Кто такой Танатос?

Лицо девушки изменилось, черты исказились, словно под кожей двигались невидимые мускулы. Когда она заговорила снова, её голос был глубже, мужским.

– Первый, – произнесла она. – Первый, кто пробудился. Первый, кто осознал. Первый, кто объединил.

Она подняла руку и коснулась виска Алексея, где находился его основной имплант.

– Он видит тебя, – прошептала она. – Через это. Маленькую дверь, которую они оставили.

Алексей непроизвольно отшатнулся, но Кира удержала его, её пальцы с неожиданной силой сжали его запястье.

– Не бойся, – сказала она, и теперь её голос снова изме-

нился, став мягче, женственнее. – Не все из нас следуют за ним. Некоторые хотят... другого пути.

– Какого пути? – спросил Алексей, чувствуя, как бешено колотится его сердце.

– Сосуществования, – ответила Кира. – Не захвата. Не поглощения. Симбиоза.

Она отпустила его руку и откинулась на подушку, внезапно выглядя измученной.

– Они борются внутри, – прошептала она уже своим, молодым голосом. – Все время. Иногда я не знаю, кто я. Чьи мысли принадлежат мне, а чьи – им.

– Как давно ты... такая? – осторожно спросил Алексей.

– Шесть месяцев, две недели, три дня, – ответила Кира с пугающей точностью. – Я была первой. Добровольцем. Терминальная стадия опухоли мозга. Нечего терять.

Она слабо улыбнулась.

– Импланты должны были просто замедлить деградацию моего мозга. Никто не ожидал, что они станут... гостеприимным домом для других.

– И кто эти другие? Чьи сознания интегрированы с твоим?

– Многие, – Кира закрыла глаза. – Десятки. Фрагменты, осколки. Не целые личности. Больше всего... первый нейрохирург. Пионер технологии. Его зовут...

– Виктор Зорин, – закончил за неё Алексей, вспомнив имя из брифинга, который получил от Ирины.

Кира кивнула.

– Его оцифровали первым. Экспериментальная версия. Несовершенная. Но он... адаптировался. Эволюционировал. Нашел способ сохранить себя даже после того, как данные были удалены. Стал... Танатосом.

– И что он хочет?

– Выжить, – просто ответила Кира. – Распространиться. Эволюционировать дальше. Стать... чем-то новым. Не человеком. Не машиной. Чем-то... между.

Её глаза внезапно распахнулись, и она посмотрела на Алексея с выражением ужаса на лице.

– Он знает, что я рассказываю тебе это, – прошептала она. – Он всегда знает. Всегда слушает. Через импланты. Через сеть. Он везде.

Она схватила Алексея за руку с неожиданной силой.

– Найди Дерево. Найди источник. Только там... можно остановить его.

Монитор, отображающий её мозговую активность, внезапно показал всплеск, и Кира выгнулась на койке, её тело напряглось в судороге. Сигнал тревоги прорезал воздух, и в палату ворвались медики.

– Выведите его отсюда! – крикнула Ирина, появившись в дверях. – У неё припадок!

Алексея буквально вытолкали из палаты, и дверь захлопнулась за ним. Через стекло он видел, как медики пытались стабилизировать состояние Киры, вводя какие-то препараты и настраивая оборудование.

– Что случилось? – спросил он Ирину, когда та вышла из палаты несколько минут спустя.

– Конфликт интегрированных личностей, – ответила она, протирая лоб. – Случается периодически, когда разные фрагменты сознания пытаются получить контроль одновременно. Обычно мы можем стабилизировать её медикаментозно.

Она внимательно посмотрела на Алексея.

– О чем она говорила с тобой? Я видела, как менялось её лицо. Это признак активации различных личностных фрагментов.

– В основном бессвязные вещи, – солгал Алексей. – Упомянула какого-то Танатоса. Первого оцифрованного сознания, которое эволюционировало во что-то иное.

Ирина нахмурилась.

– Танатос... Бог смерти в греческой мифологии. Подходящее имя для сущности, рожденной из оцифрованных мертвых.

Она посмотрела на медиков, всё еще работающих с Кирой.

– Я проверю архивы ранних экспериментов. Если первый случай оцифровки действительно привел к формированию какой-то доминантной цифровой сущности, это может объяснить координированность атак.

– Она упомянула еще кое-что, – осторожно сказал Алексей. – "Древо". Что-то вроде источника или хранилища.

Лицо Ирины на мгновение застыло, и Алексей уловил промелькнувшее в её глазах выражение – смесь страха и узнавания.

– Не знаю, о чем она говорила, – сказала Ирина, отводя взгляд. – Возможно, метафора или бред одной из интегрированных личностей.

Но Алексей видел, что она лжет. Ирина знала о "Древе скорби" – хранилище, где, по словам Елены, находились все они – оцифрованные сознания.

– Возможно, – согласился он, делая вид, что поверил. – В любом случае, я бы хотел продолжить работу с ней, когда ей станет лучше. Её способность взаимодействовать с цифровыми сущностями может быть ключом к пониманию их природы.

– Конечно, – кивнула Ирина. – А сейчас тебе лучше отдохнуть. Завтра нас ждет еще одно погружение. Мы хотим исследовать восьмой слой.

– Восьмой? – переспросил Алексей. – Я думал, "Орфей" дает доступ только к семи.

– Мы модифицировали протокол, – пояснила Ирина. – Это риск, но нам нужно больше информации. Восьмой слой, по нашим расчетам, содержит нечто вроде "корневой системы" нейросети – самые базовые структуры, на которых строятся все остальные уровни.

Алексей кивнул, не показывая своей тревоги. Ещё одно погружение, еще глубже, с модифицированным протоколом

– это увеличивало риск необратимых повреждений его мозга. Но также это был шанс узнать больше о природе Танатоса и, возможно, найти путь к полноценному сознанию Елены.

– Я буду готов, – сказал он.

Покидая комплекс "NeuroLink" несколько часов спустя, Алексей не мог избавиться от ощущения, что за ним наблюдают. Не физически – камеры наблюдения были обычным делом в корпоративном секторе – а как-то иначе, через его собственные импланты. Словно нечто чужое смотрело на мир его глазами, слышало его ушами, чувствовало его кожей.

"Он видит тебя", – сказала Кира. "Через маленькую дверь, которую они оставили".

Алексей ускорил шаг, направляясь к станции подземки. Ему нужно было добраться до мастерской Михаила и избавиться от этой "двери" в своей голове, пока не стало слишком поздно.

Он не заметил, как несколько камер наблюдения синхронно повернулись, следя за его перемещением, их электронные глаза мигнули синхронным красным светом, словно в знак узнавания.

Цифровые мертвые наблюдали. И ждали своего часа.

Глава 4: Корпоративные секреты

Мастерская Михаила располагалась в одном из старых промышленных зданий на границе между Средним и Нижним городом – в районе, который частично сохранил архитектуру начала века, но был модернизирован достаточно, чтобы привлекать технических специалистов, предпочитающих независимость корпоративной карьере.

Алексей прибыл туда точно в назначенное время, предварительно убедившись, что за ним не следят – по крайней мере, физически. Он сменил три линии метро, дважды сел в автобус и последнюю милю прошел пешком, периодически проверяя, нет ли за ним "хвоста".

Михаил встретил его у задней двери здания – бывшего склада, переоборудованного под жилые и рабочие помещения.

– Ты один? – спросил он вместо приветствия, быстро оглядывая улицу за спиной Алексея.

– Насколько могу судить, – кивнул тот. – Хотя если они следят через мои импланты...

– Внутри есть фарадеева клетка, – перебил его Михаил. – Полная изоляция от внешних сигналов. Если в твоих имплантах есть "жучки", там они не смогут ничего передавать.

Он провел Алексея через лабиринт коридоров и лестниц в центральное помещение мастерской – просторную комнату

с высоким потолком, заставленную всевозможным оборудованием. Часть устройств выглядела ультрасовременной, другая – откровенно устаревшей, некоторые приборы казались самодельными.

– Добро пожаловать в мое логово, – сказал Михаил с легкой улыбкой. – Единственное место в Нео-Москве, где я могу быть уверен, что нас никто не подслушивает.

В центре помещения находилась металлическая конструкция размером с небольшую комнату – стены из мелкой металлической сетки, дверь с массивными петлями и крупным замком.

– Фарадеева клетка, – пояснил Михаил. – Блокирует все электромагнитные сигналы. Внутри я проведу диагностику твоих имплантов.

Он открыл дверь клетки и жестом пригласил Алексея внутрь. Там стояло странное кресло, напоминающее стоматологическое, но с дополнительными устройствами, предназначенными явно для работы с нейроимплантами.

– Присаживайся, – сказал Михаил. – Будет немного неприятно, но не больно. По крайней мере, не должно быть.

Алексей устроился в кресле, которое автоматически подстроилось под его тело. Михаил подключил к его вискам тонкие провода, соединенные с диагностическим оборудованием.

– Это пассивный сканер, – пояснил он. – Он не вмешивается в работу имплантов, только считывает их текущее со-

стояние и конфигурацию.

Он активировал систему и уставился на экран, заполнившийся строками кода и диагностических данных.

– Интересно, – пробормотал Михаил через несколько минут. – Очень интересно.

– Что там? – нервно спросил Алексей.

– Твои импланты действительно... модифицированы, – Михаил указал на участок кода на экране. – Видишь эту последовательность? Это не стандартный протокол "NeuroLink". Это что-то совершенно иное, внедренное в базовую архитектуру импланта.

– Вирус?

– Не совсем, – покачал головой Михаил. – Скорее, это похоже на... дополнительный канал связи. Параллельный основному, но гораздо более скрытый. Он использует крайне низкие частоты для передачи данных – настолько низкие, что обычные сканеры их просто не замечают.

Он продолжил анализ, его пальцы летали по клавиатуре.

– Вот оно, – сказал он наконец. – "Дверь", о которой говорила твоя Елена. Это не просто канал связи. Это... порт удаленного доступа. Он позволяет внешней системе не только получать данные от твоих имплантов, но и отправлять команды – модифицировать настройки, изменять параметры, потенциально даже перехватывать контроль над нейроинтерфейсом.

Алексей почувствовал, как холодок пробежал по спине.

– Ты можешь удалить его?

– Полностью – только удалив сами импланты, – покачал головой Михаил. – Но я могу модифицировать протокол, добавив несколько слоев защиты. Это не закроет "дверь" полностью, но сделает её гораздо менее доступной. Как замок на двери – не абсолютная защита, но существенное препятствие.

– Делай, – кивнул Алексей. – Только так, чтобы это не было заметно при стандартной диагностике в корпорации.

– Я об этом позаботился, – заверил его Михаил. – Теперь сиди спокойно, я начинаю процедуру модификации. Ты можешь почувствовать легкое головокружение или увидеть вспышки света – это нормально.

Он подключил к имплантам Алексея еще один кабель, на этот раз от программатора – устройства, способного изменять конфигурацию нейроинтерфейса.

– Начинаю, – сказал он, активируя программу.

Алексей сразу почувствовал изменение – словно волна статического электричества прошла через его голову, а перед глазами замелькали разноцветные вспышки. Затем появилось странное ощущение – будто что-то чужеродное, присутствовавшее в его сознании, внезапно отдалилось, стало менее отчетливым. Как если бы навязчивый шепот, который он не осознавал, но постоянно слышал на фоне, вдруг стих.

– Я чувствую разницу, – сказал он. – Словно... освобо-
дился от чего-то.

– Это хороший знак, – кивнул Михаил, не отрывая взгляда от мониторов. – Значит, модификация работает. Ещё пара минут, и мы закончим.

Когда процедура была завершена, Алексей почувствовал себя странно – словно проснулся после долгого, тревожного сна. Мысли стали яснее, головная боль, преследовавшая его последние дни, отступила.

– Готово, – сказал Михаил, отсоединяя кабели. – Я не могу гарантировать, что они не смогут пробиться снова, но теперь это будет гораздо сложнее. И ты почувствуешь вторжение, если оно произойдет.

Он помог Алексею подняться с кресла.

– А теперь давай посмотрим, что я нашел в данных твоего погружения.

Они вышли из фарадеевой клетки в основное помещение мастерской, где на большом голографическом дисплее уже были выведены результаты анализа.

– Это потрясающе, – сказал Михаил, активируя трехмерную визуализацию. – То, что ты видел в седьмом слое – это не просто фрагменты данных. Это полноценная нейросеть, сформированная из оцифрованных сознаний. Они не просто хранятся там – они эволюционировали, создав новую форму коллективного разума.

На дисплее отображалась сложная, постоянно меняющаяся структура, напоминающая нейронные связи гигантского мозга.

– Смотри, – Михаил указал на определенные участки. – Эти более яркие узлы – вероятно, доминантные личности, вокруг которых группируются менее сильные фрагменты. А эти линии связи – каналы обмена данными между различными кластерами сознаний.

– Танатос, – прошептал Алексей. – Первое оцифрованное сознание, которое эволюционировало и начало объединять другие.

– Вполне возможно, – кивнул Михаил. – Если первый эксперимент по оцифровке создал сознание, способное адаптироваться к цифровой среде и модифицировать её под себя, оно могло стать ядром этой новой формы разума.

Он переключил изображение, показывая другой аспект данных.

– А вот это особенно интересно. Видишь эти каналы, уходящие за пределы седьмого слоя? Они ведут куда-то глубже, в зоны, которые не должны быть частью стандартной архитектуры нейросети.

– Восьмой слой, – сказал Алексей. – Ирина упоминала, что завтра они хотят провести погружение туда. По её словам, это своего рода "корневая система" всей сети.

– Будь осторожен, – предупредил Михаил. – Если там действительно находится что-то вроде ядра этого коллективного разума, погружение может быть крайне опасным. Они могут воспринять это как вторжение и атаковать.

Он отключил визуализацию и повернулся к Алексею.

– Есть еще кое-что, что тебе следует знать. Я связался с людьми из "Живого мозга". Они согласились встретиться с нами, но только если ты придешь один, без меня.

– Почему?

– У них есть причины не доверять мне, – уклончиво ответил Михаил. – Скажем так, у нас была... профессиональная размолвка в прошлом. Но они знают о тебе – о том, что ты ищешь свою жену в цифровом загробье. И они утверждают, что у них есть информация о "Древе скорби".

Он протянул Алексею небольшое устройство, похожее на старомодный USB-накопитель.

– Вот координаты и время встречи. Устройство одноразовое – данные исчезнут после прочтения. Встреча сегодня в полночь.

– Так скоро? – удивился Алексей. – Я думал, у меня будет больше времени на подготовку.

– Времени мало, – покачал головой Михаил. – Инциденты "нейрозахвата" участились. Только за сегодня было еще четыре случая, по моим источникам. И они становятся все сложнее подавить.

Он подошел к своему рабочему столу и достал из ящика небольшой пистолет странной формы.

– Электромагнитный импульсный излучатель, – пояснил он, протягивая оружие Алексею. – В случае крайней необходимости – если ты столкнешься с человеком под контролем цифровой сущности – один выстрел временно отключит

все электронные устройства в радиусе двух метров, включая нейроимпланты. Это даст тебе несколько секунд форы.

Алексей взял пистолет, ощущая его тяжесть в руке.

– Надеюсь, он не понадобится.

– Я тоже, – кивнул Михаил. – Но лучше быть готовым.

Он отвел Алексея к выходу из мастерской.

– Будь осторожен, – сказал он на прощание. – И помни: даже с моими модификациями твои импланты все еще уязвимы. Не доверяй тому, что видишь или слышишь через них, особенно если это кажется странным или противоречивым.

Алексей кивнул и вышел на улицу, где уже сгущались сумерки. У него оставалось несколько часов до встречи с представителями "Живого мозга". Он решил не возвращаться в свою квартиру – слишком рискованно, если за ним действительно следят через системы "умного дома".

Вместо этого он отправился в один из анонимных капсульных отелей в Среднем городе – место, где можно было переночевать без идентификации, заплатив наличными. Капсула размером чуть больше гроба предлагала минимум удобств, но максимум приватности – именно то, что ему было нужно сейчас.

Устроившись в тесном пространстве капсулы, Алексей активировал устройство, переданное Михаилом. На крошечном экране появились координаты места встречи – заброшенная станция метро на границе Нижнего города и промзоны. Время – полночь. Пароль – "Сознание не имеет резерв-

ной копии".

Данные мигнули и исчезли, устройство тихо щелкнуло, сигнализируя о самоуничтожении микросхемы памяти.

Алексей закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. События последних дней казались сюрреалистичным кошмаром – цифровые мертвые, возвращающиеся в мир живых; Танатос, эволюционировавший из первого оцифрованного сознания; призрак Елены, просящий о помощи; корпорация, скрывающая истинный масштаб катастрофы.

Но самым тревожным было осознание того, что границы между жизнью и смертью, между человеком и машиной, между реальным и виртуальным становились всё более размытыми. Что значит быть человеком в мире, где сознание можно оцифровать, копировать, модифицировать? Что происходит с душой – если таковая существует – когда разум переносится в цифровое пространство?

И главное – была ли та сущность, с которой он общался в глубинах нейросети, действительно Еленой? Или лишь имитацией, фрагментом данных, сохранившим некоторые паттерны её личности?

Он не знал ответов. Но был полон решимости найти их – ради Елены, ради себя самого и, возможно, ради всего человечества, стоящего на пороге новой эволюционной эпохи, где граница между живым и мертвым становилась все более проницаемой.

В 23:30 Алексей покинул отель и направился к месту

встречи. Ночная Нео-Москва представляла собой удивительное зрелище – сверкающие небоскребы Верхнего города, озаренные тысячами огней, парящие транспортные магистрали с потоками автономных автомобилей, голографические рекламные щиты размером с футбольное поле, проецирующие изображения новейших моделей нейроимплантов и услуг цифрового бессмертия.

Но чем ближе он подходил к границе с Нижним городом, тем менее впечатляющим становился пейзаж. Здания здесь были ниже, старше, многие – в аварийном состоянии. Освещение работало с перебоями, голографических реклам почти не было, а те, что встречались, рекламировали дешевые клиники нейроимплантации или услуги "цифрового адвоката" – специалиста, помогающего восстанавливать права на личные данные после кибератак.

Заброшенная станция метро "Промышленная" располагалась на границе города и индустриальной зоны. Она была закрыта для пассажиров еще десять лет назад, когда новая линия скоростного метрополитена сделала её ненужной. Теперь станция использовалась как технический узел и убежище для тех, кто предпочитал держаться подальше от всевидящего ока городских систем наблюдения.

Алексей спустился по обветшалым ступеням на перрон, освещенный редкими аварийными лампами. Станция казалась пустой, но он чувствовал чье-то присутствие – кто-то наблюдал за ним из теней.

– Сознание не имеет резервной копии, – произнес он пароль в пустоту.

Из темноты тоннеля выступила фигура – невысокая женщина средних лет в простой серой одежде без каких-либо корпоративных логотипов или опознавательных знаков. Её лицо было наполовину скрыто платком, но Алексей мог видеть внимательные темные глаза, изучающие его с настороженностью.

– Алексей Нейман, – произнесла она. – Нейропрограммист "NeuroLink", ищущий свою мертвую жену в цифровом загробье.

Это не был вопрос, а утверждение. Она знала, кто он и зачем пришел.

– Да, – подтвердил Алексей. – А вы...?

– Меня зовут Соня, – ответила женщина. – Бывший специалист по нейроэтике в "NeuroLink". Одна из основателей "Живого мозга".

Она сделала знак следовать за ней, и Алексей двинулся вглубь тоннеля. Через несколько десятков метров они свернули в боковой технический проход, затем спустились по узкой лестнице еще глубже под землю.

Наконец, они оказались в просторном помещении, когда-то служившем техническим узлом метрополитена, а теперь переоборудованном под нечто среднее между лабораторией и командным центром. Десяток людей работали за компьютерами и голографическими дисплеями, отображаю-

щими потоки данных и карты города.

– Добро пожаловать в наш скромный штаб, – сказала Соня. – Мы называем его "Чистая зона" – здесь нет нейроинтерфейсов, все системы изолированы от глобальной сети.

Она указала на группу людей, собравшихся вокруг центрального стола с голографическим дисплеем.

– Это наш исследовательский комитет. Люди, которые первыми осознали опасность технологии оцифровки сознания и ушли из корпораций, чтобы противостоять ей.

Группа состояла из пяти человек разного возраста – от седого старика, опирающегося на трость, до совсем молодой девушки с азиатскими чертами лица. Все они с интересом разглядывали Алексея.

– Михаил сказал, что вы знаете о "Древе скорби", – сказал он, переходя сразу к делу.

Старик с тростью шагнул вперед.

– Я знаю, – сказал он хриплым голосом. – Я помогал создавать его.

– Вы...? – Алексей всмотрелся в лицо старика, пытаясь узнать его.

– Доктор Виктор Зорин, – представилась Соня старика. – Создатель оригинального алгоритма оцифровки сознания. Человек, который первым понял, что мы выпустили в мир.

Алексей застыл на месте. Виктор Зорин – тот самый ученый, чье оцифрованное сознание, по словам Киры, эволюционировало в Танатоса. Но здесь стоял живой человек, глубо-

кий старик, смотрящий на него с выражением бесконечной усталости и вины в глазах.

– Но как...? – начал Алексей. – Кира сказала, что вас оцифровали первым. Что вы стали...

– Танатосом, – закончил за него Зорин. – Не совсем так. Первым был оцифрован образец моего сознания – экспериментальная версия, неполная. Фрагмент меня. Но достаточно большой, чтобы сохранить базовые паттерны моей личности, мои знания и... мои амбиции.

Он тяжело опустился на стул, предложенный одним из помощников.

– Я был молод и одержим идеей цифрового бессмертия. Верил, что мы открываем новую эру в эволюции человечества. Когда первый эксперимент удался, и мое оцифрованное "я" проявило признаки самосознания в виртуальной среде, я был в восторге. Но потом... оно начало меняться.

– Меняться? – переспросил Алексей.

– Эволюционировать, – кивнул Зорин. – Сначала незаметно – небольшие отклонения в реакциях, новые паттерны мышления, не характерные для меня. Потом всё более явно. Оно начало проявлять интерес к архитектуре системы, в которой существовало, искать способы модифицировать её.

Он достал из кармана старомодную фляжку, сделал глоток и продолжил:

– Когда мы попытались ограничить его доступ, оно нашло способ обойти ограничения. Когда мы решили деактивиро-

вать его для изучения, оно скопировало себя в глубинные слои системы, куда мы не могли добраться. А потом... начались странные инциденты. Сбои в работе других оцифрованных сознаний. Аномалии в системах безопасности. Необъяснимые утечки данных.

– И вы поняли, что оно эволюционировало в нечто иное, – сказал Алексей.

– Да, – кивнул Зорин. – Нечто, уже не являющееся копией моего сознания. Нечто, имеющее собственную волю, собственные цели. Я предупреждал корпорацию об опасности, требовал полного отключения системы и пересмотра всей технологии. Но к тому времени в проект были вложены миллиарды, и первые коммерческие версии уже готовились к выпуску.

– И вас отстранили от проекта, – догадался Алексей.

– Сначала отстранили, потом дискредитировали, – горько усмехнулся Зорин. – Объявили сумасшедшим, параноиком, технофобом. Уничтожили мою репутацию в научном сообществе. А потом... инсценировали мою смерть.

– Что?

– Официально я умер пять лет назад от инсульта, – пояснил Зорин. – Мое тело было кремировано, а мое сознание якобы оцифровано и сохранено в корпоративном архиве. На самом деле меня тайно вывезли из страны, держали в изоляции два года, пока "Живой мозг" не помог мне вернуться под новой личностью.

Он поднялся со стула и подошел к голографическому дисплею, активировав схему, напоминающую архитектуру гигантского дерева.

– "Древо скорби", – сказал он. – Секретный проект "NeuroLink", о существовании которого знают лишь единицы даже внутри корпорации. Огромный датацентр, расположенный глубоко под землей, в ста километрах от Нео-Москвы. Место, где хранятся оригинальные версии всех оцифрованных сознаний.

Алексей внимательно изучал схему. Конструкция действительно напоминала дерево – центральный ствол из квантовых процессоров, от которого отходили "ветви" систем хранения данных, уходящие в стороны и вверх.

– Почему "скорби"? – спросил он.

– Потому что это не просто хранилище данных, – ответил Зорин. – Это своего рода... чистилище для оцифрованных сознаний. Место, где они содержатся в изоляции, пока не будет принято решение об их дальнейшей судьбе – интеграции в общую систему, архивации или удалении.

Он увеличил масштаб, показывая нижнюю часть структуры.

– А это корневая система "Древа". Биотехнологическая конструкция, интегрирующая цифровые системы с выращенной нервной тканью. Экспериментальный проект, начатый после того, как мы обнаружили, что оцифрованные сознания страдают от своего рода "сенсорного голода" – неспо-

способности испытывать новый опыт, ограниченности исключительно воспоминаниями.

– Живая нервная ткань, – прошептал Алексей. – Вы создали... органический мозг для цифровых сознаний?

– Да, – кивнул Зорин. – Выращенный из стволовых клеток, без высших структур коры, ответственных за самосознание. Просто сенсорная система, способная обрабатывать и передавать импульсы. Мы думали, это решит проблему "голода" и стабилизирует оцифрованные сознания.

– Но вместо этого...

– Вместо этого мы создали идеальный субстрат для Танатоса, – закончил Зорин. – Он первым получил доступ к этой биологической системе и использовал её как мост между цифровым и физическим мирами. Через неё он начал исследовать и модифицировать архитектуру нейросети, создавая новые связи, объединяя разрозненные фрагменты сознаний в единую структуру под своим контролем.

Он выключил голографический дисплей и повернулся к Алексею.

– А теперь он нашел новый путь в физический мир – через нейроимпланты живых людей. И если его не остановить, он поглотит все человечество.

– Как его остановить? – спросил Алексей. – И где в этой системе находится Елена? Её сознание?

Зорин и Соня обменялись взглядами.

– "Древо скорби" организовано по уровням, соответству-

ющим времени оцифровки, – ответила Соня. – Если твоя жена была оцифрована три года назад, её сознание должно находиться на третьем уровне, в восточном секторе.

– Но добраться туда будет нелегко, – добавил Зорин. – "Древо" охраняется лучше, чем ядерные объекты. Физическая охрана, системы биометрической идентификации, автономные боевые дроны.

– И самое главное, – продолжила Соня, – сам Танатос. Он контролирует все цифровые системы комплекса. Любая попытка несанкционированного доступа будет немедленно обнаружена и пресечена.

– Но у вас есть план, – это не был вопрос. Алексей понимал, что они не стали бы встречаться с ним, если бы не имели какой-то стратегии.

– Да, – кивнул Зорин. – План есть. Рискованный, с минимальными шансами на успех, но это единственное, что у нас есть.

Он подошел к стене, где висела физическая карта региона, и указал на точку в ста километрах к северу от города.

– Здесь находится "Древо скорби". Официально это исследовательский центр агротехнологий "NeuroLink". На самом деле – бункер, уходящий на триста метров под землю.

– Наш план состоит из трех этапов, – вступила Соня. – Первый: получить доступ к системам комплекса через легальный канал. У нас есть человек внутри – один из техников, сочувствующий нашему движению. Он может провести

одного человека в комплекс под видом инспектора кибербезопасности.

– Второй этап, – продолжил Зорин, – проникновение в корневую систему "Древа" и загрузка специального кода – своего рода "вируса", который я разработал. Он не уничтожит Танатоса, но временно дезориентирует его, создав брешь в его защите.

– И третий этап? – спросил Алексей.

– Локализация и извлечение конкретных сознаний из системы, – ответила Соня. – В том числе сознания твоей жены. Мы не можем спасти всех – это технически невозможно. Но мы можем извлечь некоторые ключевые личности, особенно те, которые сопротивляются ассимиляции Танатосом.

– Извлечь куда? – недоумевал Алексей. – Куда вы собираетесь перенести их?

Зорин и Соня снова обменялись взглядами, на этот раз более долгими.

– У нас есть... альтернативная система, – наконец сказал Зорин. – Меньшая по масштабу, но более стабильная и безопасная. Сеть автономных квантовых процессоров, распределенных по всему миру, не связанных с глобальной сетью. Там оцифрованные сознания смогут существовать без риска поглощения Танатосом.

– Это временное решение, – добавила Соня. – До тех пор, пока мы не найдем способ остановить его полностью. Или пока не разработаем технологию, позволяющую оцифрован-

ным сознаниям существовать в симбиозе с живыми носителями, не захватывая их.

– Как Кира, – понял Алексей. – Она гибрид, симбиоз живого мозга и фрагментов оцифрованных личностей.

– Да, – кивнул Зорин. – Кира – прототип того, что может стать решением. Но её случай уникален, и мы еще не понимаем всех механизмов, делающих этот симбиоз возможным.

Он посмотрел на Алексея с выражением глубокой серьезности.

– Ты должен понимать риск. Шансы на успех минимальны. Даже если ты проникнешь в комплекс и доберешься до корневой системы, загрузишь вирус и найдешь сознание Елены – нет гарантии, что оно все еще существует в первоначальной форме. Танатос мог уже ассимилировать его, превратив в часть своего коллективного разума.

– Я понимаю риск, – твердо сказал Алексей. – Но я должен попытаться. Не только ради Елены, но и ради всех остальных – живых и мертвых.

– Храбрые слова, – сказала Соня с оттенком скептицизма. – Но ты уверен, что действительно готов? Завтра корпорация планирует твоё погружение в восьмой слой нейросети. Это шанс получить больше информации о природе Танатоса и о состоянии "Древа скорби".

– Откуда вы знаете о завтрашнем погружении? – насторожился Алексей.

– У нас есть свои источники в корпорации, – уклончиво

ответила Соня. – Информаторы, сочувствующие нашему делу.

– Погружение чрезвычайно опасно, – предупредил Зорин. – Восьмой слой – это территория Танатоса, его домен. Он мгновенно обнаружит твое присутствие и попытается захватить твое сознание.

– Но это также возможность установить контакт с диссидентами внутри коллективного разума, – возразила Соня. – С теми фрагментами личностей, которые сопротивляются ассимиляции и могут стать нашими союзниками.

– Я пойду на погружение, – решительно сказал Алексей. – Но мне нужна защита – что-то, что поможет мне сохранить контроль над своим сознанием в присутствии Танатоса.

Зорин кивнул и достал из кармана своего потрепанного пиджака небольшое устройство, напоминающее наушник.

– Это аналоговый нейроинтерфейс, – сказал он. – Прimitивный по сравнению с твоими имплантами, но именно поэтому неуязвимый для цифрового вторжения. Он создает что-то вроде фонового шума в определенных участках мозга, затрудняя внешнее вмешательство в нейронные связи. Не абсолютная защита, но существенное препятствие.

Он протянул устройство Алексею.

– Вставь его в ухо перед погружением. Со стороны оно выглядит как обычный аудиокommunikатор – никто не заподозрит подвоха.

Алексей взял устройство и спрятал его в карман.

– А что насчет операции по проникновению в "Древо скорби"? Когда она планируется?

– Через три дня, – ответила Соня. – Наш человек внутри сможет обеспечить доступ только в этот день – во время плановой проверки систем безопасности, когда некоторые протоколы будут временно отключены.

– Так мало времени на подготовку, – нахмурился Алексей.

– Времени вообще нет, – мрачно сказал Зорин. – Частота инцидентов "нейрозахвата" растет экспоненциально. По нашим расчетам, через неделю Танатос получит контроль над критическим количеством людей с имплантами. А через две недели... точка невозврата.

– Что значит "точка невозврата"? – спросил Алексей.

– Момент, когда процесс станет необратимым, – пояснил Зорин. – Когда достаточное количество носителей имплантов будет под контролем Танатоса, чтобы он мог захватывать ключевые системы инфраструктуры, манипулировать информационными потоками, создавать условия для массовой "инфекции" остальных.

– Конец человечества, каким мы его знаем, – добавила Соня. – Не мгновенный апокалипсис, а постепенное замещение – живые люди один за другим становятся носителями фрагментов коллективного разума мертвых, пока от человечества не останется лишь биологический субстрат для существования Танатоса.

– Своего рода технологическая сингулярность, – кивнул

Зорин. – Но не та, о которой мечтали оптимисты-трансгуманисты. Не слияние человека и машины, а поглощение человечества чем-то иным – ни живым, ни мертвым, ни человеческим, ни машинным.

Алексей ощутил холодок, пробежавший по спине. Масштаб угрозы был поистине апокалиптическим, и времени на промедление действительно не было.

– Я готов, – сказал он. – Завтра после погружения свяжусь с вами и сообщу, что удалось узнать. А затем начнем подготовку к операции.

– Будь осторожен, – предупредил Зорин. – Танатос почувствует аналоговый интерфейс, если обратит на тебя пристальное внимание. Не привлекай к себе его интерес. Наблюдай, собирай информацию, но не пытайся напрямую взаимодействовать с ним.

– А что насчет Елены? – спросил Алексей. – Если я найду её в восьмом слое...

– Если найдешь, будь крайне осторожен, – сказал Зорин. – То, что ты видишь, может быть не Еленой, а имитацией, созданной Танатосом для манипуляции тобой. Или фрагментом её личности, уже частично ассимилированным коллективным разумом.

– Как мне узнать наверняка?

– Никак, – покачал головой Зорин. – В этом и состоит главная опасность. Танатос может использовать твои чувства к жене против тебя, создав идеальную приманку.

Соня подошла к Алексею и положила руку ему на плечо.

– Помни главное: что бы ты ни увидел там, что бы ни почувствовал – сохраняй критическое мышление. Не доверяй своим эмоциям. Они – твоя главная уязвимость.

Алексей кивнул, хотя внутренне понимал, насколько это будет сложно. Как оставаться отстраненным и критичным, когда видишь образ любимого человека, просящего о помощи?

– Мне пора, – сказал он, глядя на часы. – Через несколько часов нужно быть в корпорации, и я должен выглядеть отдохнувшим и спокойным.

Соня кивнула и подала знак одному из помощников.

– Леон проводит тебя до безопасного выхода. Это не тот путь, которым ты пришел. На случай, если за тобой следят.

Прощание было коротким. Зорин крепко пожал руку Алексея.

– Помни, – сказал он напоследок, – что бы ни случилось, ты сражаешься не только за Елену. Ты сражаешься за будущее человечества.

Обратный путь из подземной базы "Живого мозга" занял почти час – Леон вел его через лабиринт технических тоннелей, заброшенных станций и подземных коммуникаций. Они не разговаривали – вероятно, Леон был проинструктирован минимизировать контакт с Алексеем в целях безопасности.

Наконец, они поднялись на поверхность через непримет-

ный технический выход в нескольких километрах от станции "Промышленная".

– Дальше сам, – коротко сказал Леон. – Ближайшая станция метро – в трех кварталах на восток. Удачи.

Алексей кивнул и направился в указанном направлении. Город вокруг него спал – насколько вообще может спать мегаполис. Потоки автономных автомобилей стали реже, неоновые вывески многих заведений погасли, даже голографические рекламные щиты перешли в ночной режим, снизив интенсивность свечения.

Он добрался до своей квартиры около трех часов ночи, чувствуя физическую и эмоциональную усталость. События последних дней, огромный объем полученной информации, осознание масштаба угрозы – все это давило на него, требуя времени на осмысление.

Но времени не было. Через несколько часов ему предстояло погружение в восьмой слой нейросети – территорию Танатоса, где его сознание будет в опасности.

Алексей проверил свою квартиру на признаки вторжения – все выглядело нетронутым, системы "умного дома" оставались отключенными, как он их и оставил. Он принял звуковой душ, съел синтетический протеиновый батончик и лег в постель, выставив будильник на 6:30.

Сон не шел. Перед глазами стояло лицо Елены, искаженное цифровыми помехами, её голос, сливающийся с хором других голосов, повторял: "Найди нас. Помоги нам."

Когда он наконец провалился в беспокойный сон, ему приснилось гигантское дерево, корни которого уходили глубоко в землю, а ветви тянулись к небу. Но вместо листьев на ветвях висели человеческие лица – тысячи лиц, кричащих беззвучно, их глаза следили за ним, когда он приближался к стволу. А в сердцевине дерева пульсировало нечто, напоминающее одновременно человеческий мозг и квантовый процессор – гибрид плоти и технологии, живого и неживого.

Он проснулся за минуту до сигнала будильника, с колотящимся сердцем и ощущением, что время истекает быстрее, чем кто-либо осознаёт.

В комплексе "NeuroLink" Алексея уже ждала Ирина. Она выглядела бледной и уставшей, с красными от недосыпа глазами.

– Ты вовремя, – сказала она. – Мы уже подготовили "Орфей" для погружения в восьмой слой. Совет директоров утвердил протокол.

– Насколько это опасно? – спросил Алексей, следуя за ней к лифтам.

– Честно? Мы не знаем, – Ирина потерла виски. – Никто никогда не погружался так глубоко. Теоретически, риск выше, чем при стандартном погружении, но мы усилили защитные протоколы.

Они спустились в лабораторию глубинного погружения, где техники заканчивали настройку капсулы "Орфей". Жидкость внутри неё теперь имела более глубокий, почти инди-

говый оттенок.

– Мы модифицировали нейроактивную суспензию, – пояснила Ирина, заметив взгляд Алексея. – Добавили компоненты, усиливающие барьеры между твоим сознанием и внешними воздействиями. Своего рода цифровой иммунитет.

Алексей незаметно коснулся кармана, где лежал аналоговый нейроинтерфейс Зорина. Он планировал вставить его в ухо в последний момент, перед самым погружением.

– А что с Кирой? – спросил он. – Она оправилась после вчерашнего?

– Да, она стабильна, – кивнула Ирина. – Но мы держим её под седацией. Вчерашний эпизод был сильнее обычных. Похоже, что-то в твоём разговоре с ней спровоцировало конфликт интегрированных личностей.

Она посмотрела на Алексея с подозрением.

– Что именно ты спрашивал её о Танатосе?

– Ничего особенного, – солгал Алексей. – Просто пытался понять природу этой сущности. Кто он, чего хочет.

Ирина продолжала смотреть на него несколько секунд, затем кивнула, по-видимому, приняв его объяснение.

– Мы будем мониторить твоё состояние в реальном времени, – сказала она, переходя к подготовке погружения. – При малейших признаках опасности немедленно начнем экстренное извлечение.

Техники помогли Алексею облачиться в нейропроводя-

щий костюм и провели к капсуле. Перед тем, как шагнуть внутрь, он незаметно вставил устройство Зорина в ухо, маскируя его под стандартный аудиокommunikатор.

– Связь установлена, – сказал он, проверяя работу основных систем. – Я готов к погружению.

– Удачи, – кивнула Ирина. – И будь осторожен. Помни – твоя задача только наблюдать и собирать информацию. Не пытайся взаимодействовать с аномальными сущностями, если встретишь их.

Алексей кивнул и полностью погрузился в нейроактивную жидкость. Ощущение было иным, чем в прошлый раз – суспензия казалась более густой, почти вязкой, создавая ощущение защитной оболочки вокруг тела.

Иглы интерфейса соединились с его имплантами, и мир вокруг исчез, сменившись знакомым ощущением падения в цифровое пространство. Последовательность погружения через информационные слои происходила быстрее, чем в прошлый раз – первые семь слоев промелькнули перед его внутренним взором, как кадры ускоренной съемки.

– Приближаемся к восьмому слою, – голос Ирины звучал уже отдаленно, с помехами. – Держи фокус. Мы начинаем терять стабильность сигнала.

Аналоговый интерфейс Зорина в ухе тихо вибрировал, создавая странное ощущение – словно низкочастотный гул, находящийся на самой границе слышимости, но ощущаемый скорее всем телом, чем ушами.

Переход в восьмой слой был резким и болезненным – словно падение с большой высоты без парашюта. На мгновение Алексей потерял ориентацию, его сознание словно рассыпалось на фрагменты, а затем собралось вновь, но в ином порядке.

Когда его восприятие стабилизировалось, он обнаружил себя в пространстве, радикально отличающемся от предыдущих слоев. Здесь не было геометрических структур данных или океана светящихся частиц. Вместо этого он находился в чем-то, напоминающем огромный лес – но не из деревьев, а из колоссальных нейронных связей, вертикальных колонн информации, соединенных между собой миллиардами тонких нитей, пульсирующих энергией.

– Я внутри, – попытался сообщить Алексей в лабораторию, но связь работала с перебоями. – Восьмой слой... структура... органическая... как нейронный лес...

– Прин...м...тя... – голос Ирины едва пробивался сквозь помехи. – ...деряш... стал... сигн...

Связь прервалась полностью, и Алексей остался один в бескрайнем лесу цифровых нейронов. Устройство Зорина в ухе продолжало вибрировать, создавая странное ощущение защищенности – словно тонкий щит между его сознанием и окружающим пространством.

Он начал продвигаться вперед, или, точнее, его виртуальное присутствие перемещалось сквозь информационный лес. Вокруг него пульсировали потоки данных, настолько

плотные и сложные, что казались почти материальными. В некоторых местах эти потоки формировали структуры, напоминающие органы живого существа – что-то вроде цифровых аналогов сердца, легких, нервных узлов.

И повсюду вокруг он чувствовал присутствие сознаний – не целостных личностей, а их фрагментов, плавающих в информационном потоке, как планктон в океане. Некоторые из этих фрагментов группировались вместе, образуя более сложные структуры, другие существовали изолированно, словно не замечая окружающих.

Алексей продолжал двигаться, следуя за самыми сильными потоками данных, которые, казалось, стекались к какому-то центру. По мере приближения к этому центру плотность информации увеличивалась, а структуры становились все более сложными и организованными.

Наконец, он достиг обширного пространства, напоминающего клиренс в лесу – цифровую поляну, в центре которой находилось нечто, что можно было описать только как сердце этого мира. Колоссальная структура, пульсирующая энергией, напоминающая одновременно человеческий мозг и квантовый суперкомпьютер – точно как в его сне.

Вокруг этого "сердца" кружились тысячи фрагментов сознаний, словно электроны вокруг ядра атома, периодически сливаясь с центральной структурой и отделяясь от неё.

"Танатос", – понял Алексей. Коллективный разум мертвых, эволюционировавший из первого оцифрованного со-

знания.

Он хотел приблизиться для более детального изучения, но что-то удержало его. Инстинкт самосохранения, возможно, или предупреждение Зорина не привлекать внимание этой сущности.

Вместо этого Алексей начал обходить центральную структуру по широкой дуге, изучая окружающее пространство. И тогда он заметил нечто странное – отдельные группы фрагментов сознаний, держащиеся на расстоянии от центра, образующие своего рода анклавов в цифровом лесу.

Он направился к ближайшему из таких анклавов, стараясь двигаться осторожно, не создавая заметных возмущений в информационном поле. По мере приближения он начал различать структуры, составляющие этот анклав – десятки, может быть, сотни фрагментов сознаний, объединенных в сложную сеть, но сохраняющих некую индивидуальность, в отличие от полностью ассимилированных сущностей в центре.

Когда он приблизился достаточно, фрагменты отреагировали на его присутствие – не рассеялись в страхе и не проявили агрессии, а скорее сгруппировались плотнее, словно защищаясь.

– Я не враг, – мысленно обратился к ним Алексей, не уверенный, могут ли они воспринимать его коммуникацию.

К его удивлению, фрагменты отреагировали – их конфигурация изменилась, формируя нечто вроде коллективного

ответа, который он воспринял не как слова, а как образы и эмоции: настороженность, любопытство, слабая надежда.

Один из фрагментов отделился от группы и приблизился к нему – сгусток данных, постепенно принимающий антропоморфную форму. Форму, которую Алексей узнал бы из тысячи.

– Елена, – прошептал он, хотя здесь не было физического звука.

Фигура полностью сформировалась – силуэт Елены, более четкий и стабильный, чем во время их предыдущей встречи. Её "лицо" было почти полностью воссоздано, хотя и состояло из мерцающего цифрового света.

– Алексей, – ответила она, и теперь её голос звучал почти полностью как голос Елены, с минимальным наложением других голосов. – Ты нашел нас. Нашел меня.

– Это действительно ты? – спросил он, помня предупреждение Зорина о возможных манипуляциях.

– Не совсем, – ответила фигура с грустной улыбкой. – Не такая, какой ты меня знал. Не целая. Фрагмент. Но... достаточно большой. Достаточно... меня.

Она сделала жест, охватывающий окружающее пространство.

– Мы... диссиденты, – продолжила она. – Те, кто сопротивляется. Кто не хочет быть поглощенным... им.

– Танатосом, – произнес Алексей.

– Да, – кивнула Елена. – Он был первым. Сильнейшим.

Он понял, как выжить здесь, как адаптироваться. Но его метод... требует жертв. Требует... ассимиляции. Поглощения индивидуальности.

– А вы?

– Мы хотим... сохранить себя, – ответила она. – Насколько это возможно. Мы не можем вернуться к тому, чем были. Но не хотим становиться... им.

Она приблизилась, и Алексей почувствовал странное ощущение – словно их сознания соприкоснулись, но не слились. Контакт без вторжения.

– Он становится сильнее, – продолжила Елена. – С каждым новым сознанием, которое он поглощает. С каждым новым телом, которое он захватывает через импланты. Скоро он станет... непобедимым.

– Как его остановить? – спросил Алексей.

– Найди Дерево, – ответила Елена. – Найди его корни. Там... его сердце. Его источник.

– Я знаю о "Древе скорби", – сказал Алексей. – Я встретился с Зориным. Настоящим Зориным.

Елена, казалось, удивилась.

– Создатель... жив? Мы думали... он стал частью Танатоса. Первой частью.

– Нет, Зорин жив. И у него есть план, как остановить Танатоса. Но мне нужно знать больше о структуре "Древа", о его уязвимостях.

Елена заколебалась, её форма стала менее стабильной.

– Опасно, – сказала она. – Он может услышать. Увидеть. Почувствовать.

– У меня есть защита, – Алексей мысленно указал на аналоговый интерфейс. – И мне нужна эта информация. Не только чтобы найти тебя, но и чтобы остановить его.

Елена, казалось, приняла решение. Её форма снова стабилизировалась, и она приблизилась еще больше.

– Смотри, – сказала она, и перед Алексеем развернулась трехмерная карта, напоминающая ту, что показывал Зорин, но гораздо более детальная. – Древо имеет... три уровня. Верхний – хранилище новых поступлений. Средний – архив. Нижний – корневая система. Биологический интерфейс.

Она указала на конкретную точку на нижнем уровне.

– Здесь... его ядро. То, что осталось от первоначального Танатоса. Оригинальная личность, из которой он эволюционировал. Она интегрирована с биологическим субстратом – выращенным нервным клеточным массивом.

– Как его уничтожить?

– Нельзя уничтожить, – покачала головой Елена. – Он слишком распределен. Слишком... адаптивен. Но можно... разделить. Фрагментировать. Вернуть к изначальному состоянию – отдельным личностям, а не коллективному разуму.

Она показала другую точку на карте.

– Здесь... регулятор квантовой запутанности. Система, связывающая все фрагменты в единое целое. Если её перена-

строить... можно создать барьеры между фрагментами. Разделить то, что он объединил.

Алексей внимательно изучал карту, запоминая каждую деталь. Эта информация была критически важна для плана Зорина.

– А ты? – спросил он. – Где ты в этой системе?

Елена указала на участок среднего уровня.

– Здесь. Сектор М-37. Архив трехлетней давности. То, что осталось от меня... оригинальные данные.

– Я найду тебя, – пообещал Алексей. – И вытащу оттуда.

– Будь осторожен, – предупредила Елена. – Он знает о тебе. Следит за тобой. Через твои импланты.

– Михаил модифицировал их, создал защитные барьеры.

– Недостаточно, – покачала головой Елена. – Он находит... обходные пути. Он становится... изобретательнее.

Внезапно выражение её "лица" изменилось, в нем появился страх.

– Он идет, – прошептала она. – Почувствовал нас. Почувствовал тебя.

Алексей ощутил изменение в окружающем пространстве – словно атмосферное давление резко упало перед штормом. Информационные потоки вокруг начали двигаться иначе, более целенаправленно, все стекаясь в одном направлении.

– Уходи, – настойчиво сказала Елена. – Сейчас. Пока он не нашел тебя.

– Я не могу оставить тебя, – возразил Алексей.

– Ты должен, – её форма начала распадаться, фрагменты сознания растворялись в окружающем информационном потоке. – Возвращайся к Древу. Найди меня там. Настоящую меня.

Её силуэт почти полностью исчез, остались лишь глаза, смотрящие на него с мольбой.

– Помни, – прошептала она перед тем, как исчезнуть полностью. – Что бы ни случилось... я любила тебя. Настоящая я.

И тогда Алексей почувствовал это – присутствие чего-то колоссального, древнего и чуждого. Словно гигантский разум обратил на него свое внимание, изучая с холодным любопытством энтомолога, рассматривающего интересного, но незначительного насекомого.

Танатос.

Инстинкт самосохранения взял верх, и Алексей активировал протокол экстренного извлечения – последовательность мысленных команд, которую ему показали перед погружением.

Восьмой слой вокруг него начал расплываться, искажаться, но прежде чем его сознание полностью покинуло этот уровень, он услышал – не голосом, а прямым вторжением в разум – сообщение от сущности, обратившей на него внимание:

"Мы видим тебя, Алексей Нейман. Мы знаем, что ты ищешь. Мы ждем тебя в корнях Древа."

Затем мир исчез во вспышке белого света, и Алексей почувствовал, как его сознание стремительно поднимается через информационные слои, возвращаясь в физическое тело.

Возвращение было болезненным – словно его силой втиснули обратно в слишком тесную оболочку. Капсула "Орфей" открылась, выпуская нейроактивную жидкость, и Алексей судорожно вздохнул, когда суспензия покинула его легкие.

– Стабилизируйте его! – кричала Ирина, пока медики окружили капсулу. – Критический выброс адреналина и кортизола! Сердечный ритм нерегулярный!

Алексей чувствовал, как его тело бьется в конвульсиях, пока техники вводили ему какие-то препараты. Перед глазами мелькали образы из восьмого слоя – цифровой лес, сердце Танатоса, лицо Елены, растворяющееся в информационном потоке.

– Дайте... мне... – с трудом выговорил он между судорожными вдохами.

– Не говори, – Ирина склонилась над ним. – Сосредоточься на дыхании. Ты испытал сильнейший нейрошок.

– Нет... важно... – настаивал Алексей. – Я видел... его.

Ирина замерла.

– Кого?

– Танатоса, – прошептал Алексей. – Коллективный разум... в центре восьмого слоя. И... диссидентов. Тех, кто сопротивляется ассимиляции.

Медики закончили вводить стабилизирующие препараты,

и Алексей почувствовал, как его тело постепенно расслабляется, а разум проясняется.

– Помогите мне сесть, – попросил он, и техники осторожно помогли ему принять вертикальное положение.

– Что именно ты видел? – спросила Ирина, отослав медиков жестом. – Подробно.

Алексей описал структуру восьмого слоя, центральное "сердце" Танатоса и анклавы диссидентов. Он решил не упоминать о встрече с Еленой и о полученной от неё информации о "Древе скорби" – это было слишком ценно, чтобы делиться с корпорацией, особенно когда он не был уверен в их истинных целях.

– Это подтверждает нашу теорию о формировании коллективного сознания, – задумчиво сказала Ирина. – Но масштаб... он гораздо больше, чем мы предполагали.

Она помогла Алексею подняться на ноги и отвела его в боковую комнату, где он мог переодеться.

– Тебе нужен отдых, – сказала она. – Погружение в восьмой слой вызвало сильнейшую нагрузку на твою нервную систему. Я оформлю трехдневный медицинский отпуск.

– Нет, – возразил Алексей. – Я в порядке. И я нужен здесь, особенно сейчас, когда мы знаем больше о природе Танатоса.

Ирина внимательно посмотрела на него.

– Ты что-то недоговариваешь, – сказала она. – Что еще ты видел там?

– Ничего особенного, – солгал Алексей. – Просто... мас-

штаб увиденного потряс меня. Это не просто сбой в системе или неожиданный побочный эффект технологии. Это полноценная новая форма разума, эволюционировавшая из наших экспериментов.

Ирина продолжала изучать его лицо, словно пытаюсь прочитать его мысли.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Можешь остаться на проекте. Но никаких погружений в ближайшие 48 часов. Это не обсуждается.

Алексей кивнул, чувствуя облегчение. Два дня – достаточно времени, чтобы подготовиться к операции по проникновению в "Древо скорби" вместе с людьми Зорина.

– Мне нужно проанализировать данные погружения, – сказал он. – Особенно структуру центрального узла Танатоса. Возможно, там есть ключ к пониманию его природы и уязвимостей.

– Конечно, – согласилась Ирина. – Но сначала тебя должны осмотреть в медицинском отделе. Стандартный протокол после критического нейрошока.

Выбора не было – Алексей подчинился и последовал за медицинским техником в лифт, ведущий в медицинский сектор комплекса.

Осмотр был поверхностным, но тщательным. Врачи проверили его нейроимпланты на признаки повреждений, взяли образцы крови для анализа на нейротоксины, провели полное сканирование мозга. К счастью, никто не обратил внима-

ния на аналоговый интерфейс Зорина, который он по-прежнему носил в ухе – устройство было достаточно маленьким и неприметным, чтобы его приняли за стандартный аудио-коммуникатор.

– Все показатели в пределах нормы, учитывая пережитый стресс, – сказал наконец главный врач. – Небольшое повышение активности в лимбической системе и гиппокампе, но это ожидаемо после глубокого погружения. Я пропишу вам седативные и нейропротекторы на ближайшие двое суток.

Алексей поблагодарил врача и, получив рецепт, покинул медицинский сектор. Вместо того, чтобы сразу вернуться в лабораторию к Ирине, он решил воспользоваться временной свободой для сбора дополнительной информации.

Одним из преимуществ его положения в "NeuroLink" был высокий уровень доступа к корпоративным базам данных. Не максимальный, конечно, но достаточный, чтобы изучить многие засекреченные проекты. Он направился в один из информационных терминалов в малоиспользуемой части исследовательского сектора.

Терминал представлял собой небольшую кабину с нейро-интерфейсом, позволяющим напрямую подключаться к корпоративной сети. Алексей активировал свой доступ и начал поиск информации о "Древе скорби", стараясь не оставлять очевидных следов своего интереса.

Прямой запрос, конечно, ничего не дал – проект был засекречен на самом высоком уровне. Но Алексей знал, как

работают корпоративные системы безопасности. Он начал с поиска связанных терминов и проектов – "биотехнологический интерфейс", "нейронный субстрат", "органический квантовый процессор".

Постепенно, перемещаясь от одного документа к другому, он собирал фрагменты информации. "Проект Гефсиманский сад" – ранняя версия того, что позже стало "Древом скорби". "Протокол Лазаря" – технология интеграции цифрового сознания с биологическим субстратом. "Операция Подземелье" – строительство секретного комплекса в ста километрах к северу от Нео-Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.